

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ДРЕЩАБАШНИЦЫ

КНИГА 1. КАМЕНЬ ВО ПЛОТИ

*История, найденная и записанная
Корнелией Функе и Лионелем Вигромом*

Чернильный мир и Зазеркалье

Корнелия Функе

Камень во плоти

«Азбука-Аттикус»

2010

Функе К.

Камень во плоти / К. Функе — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Чернильный мир и Зазеркалье)

Джон Бесшабашный бесследно исчез, оставив сыновей, Джекоба и Уилла, гадать, что с ним произошло. Только год спустя Джекоб нашел ключ к этой тайне: записку, вложенную в одну из отцовских книг. «Зеркало откроется лишь тому, кто себя не видит», – говорилось там. Разгадав эту загадку, Джекоб нашел дорогу в мир, где живет волшебство. Нет такой сказки, доброй или страшной, которая по ту сторону зеркала не имела бы воплощения. Этот мир Джекоб полюбил куда больше родного. Он сделался там охотником за волшебными сокровищами, стяжал славу и пережил немало удивительного. Но однажды вслед за ним сквозь зеркало шагнул его младший брат Уилл, не подозревавший об опасностях, которые сулит волшебство. И теперь он день за днем превращается в камень – не только телом, но и душой. Говорят, способов избавиться от заклятия Темной Феи, поразившего его, не существует, но Джекоб готов на все, чтобы спасти брата...

© Функе К., 2010

© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

1. Когда-то давно	6
2. Двенадцать лет спустя	9
3. Гоил	12
4. По ту сторону	16
5. Шванштайн	18
6. Влюбленный болван	22
7. Дом ведьмы	25
8. Клара	30
9. Портняга	32
10. Шкура и кожа	35
11. Хентцау	38
12. Ему подобные	40
13. О пользе дочерей	43
14. Сонное царство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Корнелия Функе Камень во плоти

История, найденная и записанная

Корнелией Функе и Лионелем Виграмом

RECKLESS: STEINERNES FLEISCH

by Cornelia Funke

Text copyright © 2010 by Cornelia Funke and Lionel Wigram

Illustrations copyright © 2010 by Cornelia Funke and Lionel Wigram

Based on a story by Cornelia Funke and Lionel Wigram

All rights reserved

© М. Арутюнова, перевод, 2014

© М. Рудницкий, перевод, 2014

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

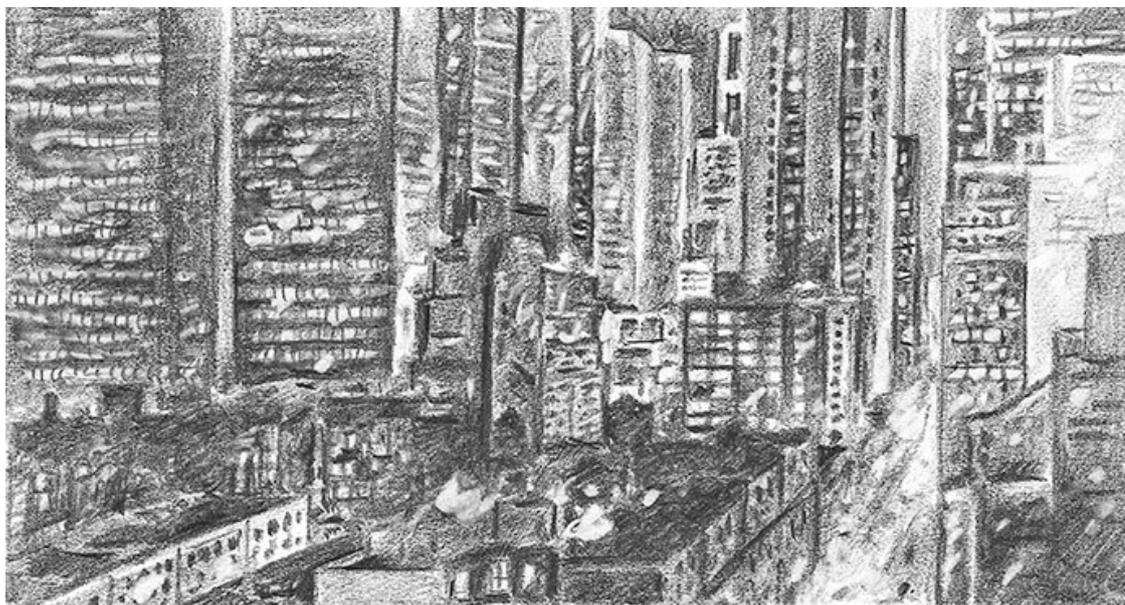
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Лионелю, тому, кто нашел дверцу к этой истории и зачастую знал про нее больше меня, моему изобретательному другу и подсказчику, незаменимому по ту и эту сторону зеркала

А также Оливеру, тому, кто неустанно обряжал эту историю в английские платья, дабы британец и немец легко могли рассказывать ее вместе

1. Когда-то давно

Ночь затаилась в квартире, словно темный зверь. Слышно только тиканье часов. Скрипнули половицы, когда он выскользнул из комнаты, – и снова все замерло в ночной тиши. Джекоб любил ночь. Он ощущал ее мрак всей кожей – как некое обещание. И как плащ, сотканный из опасности и страха.

За окном в ярком свете городских фонарей тускнели звезды, а здесь, в просторной квартире, было не продохнуть – настолько напоен весь воздух маминым горем. Мама не проснулась, когда он прокрался в ее комнату и тихонько выдвинул ящик ночного столика. Ключ лежал рядом с таблетками, которые помогают ей заснуть. Гладкий металл тревожно холодил руку, когда Джекоб снова очутился в темноте коридора.

В комнате братишки остался гореть свет – Уилл боялся темноты. Прежде чем отпереть дверь отцовского кабинета, Джекоб убедился, что Уилл крепко спит. С тех пор как исчез отец, мать так ни разу и не зашла в его кабинет, зато Джекобу не впервой вот так, украдкой, сюда пробираться в поисках ответов на вопросы, которые мама не желала ему давать.

Здесь все по-прежнему выглядело так, будто Джон Бесшашный покинул комнату всего лишь час назад, хотя на самом деле прошло уже больше года. На спинке рабочего кресла у письменного стола сиротливо висела вязаная кофта, любимая домашняя одежда отца, а использованный пакетик чая давно засох на тарелке возле календаря с прошлогодними месяцами и днями.

Вернись! Джекоб писал это слово на запотевших окнах, на запыленной столешнице и стеклах шкафа, на полках которого по-прежнему разложены старинные пистолеты отцовской коллекции. Но комната оставалась нежилой и безмолвной, а ему уже двенадцать, и он живет без отца. Иногда в приступе тихой ярости Джекоб начинал пинать ящики, где уже столько ночей безуспешно рылся, скидывать с полок книги и журналы, швырять на пол модели самолетов, парящие над письменным столом... В такие минуты он задним числом стыдился гордости, переполнившей его, когда отец позволил ему покрасить одну из них красным лаком.

Вернись! Хотелось прокричать это слово на всю улицу, что семью этажами ниже проложила яркую просеку света между громадами домов, во все тысячи окон, что прорубили свои светящиеся квадраты в замшевой черноте ночи.

Листок бумаги, выпавший вдруг из книжки про авиамоторы, Джекоб поднял с пола лишь потому, что ему показалось, будто он исписан отцовским почерком. Однако он сразу понял, что ошибся. Какие-то диковинные значки, формулы, рисунок, нет, скорее даже чертеж с изображением павлина, солнца и двух лун. Чушь, да и только. За исключением одного-единственного предложения, обнаружившегося на обороте.

ЗЕРКАЛО ОТКРОЕТСЯ ЛИШЬ ТОМУ, КТО СЕБЯ НЕ ВИДИТ.

Джекоб обернулся и встретился взглядом со своим отражением.

Зеркало. Он как сейчас помнит день, когда отец его повесил. Загадочным, мерцающим оком воцарилось оно между книжными стеллажами. Стеклянная бездна, в которой и сейчас зыбко, странно и неузнаваемо отражалось все, что Джон Бесшабашный оставил у себя в кабинете: его письменный стол, его старинные пистолеты, его книги – и его старший сын.

Зеркальное стекло было до того неровным, что Джекоб с трудом узнавал в нем себя, и мерцало темнее, чем стекла обычных зеркал, зато мелкие розы, вившиеся по кромке серебряной рамы, выглядели совсем живыми, и казалось, вот-вот начнут увядать.

Джекоб закрыл глаза.

Попробовал повернуться к зеркалу спиной.

Потом провел рукой по тыльной стороне рамы – нет ли там замка или защелки.

Ничего.

Снова и снова он упирался глазами только в свое отражение.

И лишь некоторое время спустя его вдруг осенило.

ЗЕРКАЛО ОТКРОЕТСЯ ЛИШЬ ТОМУ, КТО СЕБЯ НЕ ВИДИТ.

Его детских ладоней едва хватило, чтобы прикрыть смутное, зыбкое отражение собственного лица, но зеркало, словно только того и ждало, вдруг само прильнуло к его пальцам, и в ту же секунду все видимое пространство в зеркальных глубинах изменилось – там была уже не отцовская комната.

Он обернулся.

Сквозь два узких оконца на серые стены падал лунный свет, под босыми ногами он ощутил простые доски, усеянные скорлупками желудей и обглоданными птичьими косточками. Само помещение было едва ли больше отцовского кабинета, но над головой сквозь густую пелену паутины Джекоб разглядел мощные балки и стропила крыши.

Где же это он очутился? Лунный свет изрисовал пятнами его руки и лицо, когда Джекоб подошел к окну. На корявом карнизе налипли окровавленные птичьи перья, а глубоко внизу виднелись обугленные стены и черные холмы, среди которых тускло мерцали два-три обретенных во тьму огонька. Он на крепостной башне. Куда подевались скопища домов и залитые светом улицы? Все, что было привычно и знакомо, как сквозь землю провалилось. А на звездном небе красовались сразу две луны, и та из них, что поменьше, отливала ржавчиной, словно древняя монета, пролежавшая много лет в земле.

Джекоб глянул в зеркало и увидел в нем страх, написанный на собственном лице. Однако чувство страха всегда ему нравилось. Оно манило в темные закоулки, за запретные двери, а главное – подальше от самого себя. Страху под силу заглушить даже тоску по отцу.

Дверей в серых стенах не обнаружилось, только тяжелый люк в полу. Открыв его, Джекоб увидел спускающийся во тьму остов сгоревшей лестницы, и на секунду ему померещилась внизу карабкающаяся по камням фигурка крохотного человечка. Но тут неясный шорох за спиной заставил его обернуться.

На него посыпались клочья паутины, и в тот же миг какая-то тварь с хрипатым рыком кинулась ему на загривок. Должно быть, зверек, пронеслось в голове. Однако острые зубы, готовые вцепиться ему в глотку, искаженная яростью мордочка – мертвенно-бледная кожа и глубокие борозды морщин – выдавали скорее обличье злобного старикашки. Он, правда, был гораздо меньше Джекоба и сухой, как кузнечик. Серые патлы до пояса, сотканная будто из паутины одежда... Джекоб схватил его за жесткую шею, однако желтые зубы успели вцепиться ему в руку. Вскрикнув от боли, Джекоб сбросил упыря с себя, но тот, хищно слизывая с губ кровь, уже изготовился к новому прыжку. Джекоб отпихнул его ногой и, пошатываясь, двинулся к зеркалу. Старичок-кровосос мгновенно вскочил, но Джекоб здоровой рукой уже прикрыл свое перепуганное лицо в зеркале. В тот же миг и злобный упырь, и серые стены сгнули, и он снова увидел в отражении за спиной отцовский письменный стол.

– Джеки?

Сквозь глухой гул крови в висках он едва расслышал голос младшего брата. Хватая ртом воздух, Джекоб отпрянул от зеркала.

– Джеки, это ты там?

Пряча окровавленную руку в рукаве, Джекоб открыл дверь.

Глаза Уилла были круглыми от страха. Наверно, опять страшный сон приснился. Младший братец. Уилл ходил за ним повсюду, как собачонка, и Джекоб защищал его, где и как мог, – и на школьном дворе, и в парке. Иногда даже прощая братцу, что мать больше любит именно его, младшенького.

– Мама говорит, нам сюда нельзя.

– С каких это пор я слушаю, что говорит мама? Но если проболтаешься, я больше никогда не возьму тебя в парк.

Уилл жадно пытался заглянуть мимо него в комнату, но покорно опустил голову, как только Джекоб прикрыл за собой дверь. Там, где он, Джекоб, безрассуден, Уилл осторожен, где он рвет и мечет, Уилл спокоен, где он любопытен, Уилл робок. Схватив Джекоба за руку, братик заметил кровь у него на пальцах и вопросительно поднял глаза, но Джекоб, ни слова не говоря, повел Уилла спать.

То, что открылось сегодня в зеркале, принадлежит только ему. Ему одному.

2. Двенадцать лет спустя

Солнце уже клонилось к стенам разрушенной крепости, но Уилл еще спал. Заснуть ему удалось далеко не сразу, слишком сильно донимали его боли все последние дни.

Это твоя ошибка, Джекоб, а ведь ты столько лет был осторожен!

Годы, когда он открывал для себя новый незнакомый мир и однажды набрался дерзости и стал звать его своим. Все прахом! Годы, за которые этот мир стал ему родным домом. В пятнадцать Джекоб уходил в Зазеркалье уже на недели. В шестнадцать он пропадал там, теряя счет месяцам, и все равно ему удавалось сохранить свою тайну. И вот проклятая спешка подвела его...

Прекрати, Джекоб! Сделанного не воротишь.

Он выпрямился, прикрыл Уилла своим плащом. Раны на шее брата заживали хорошо, но на левом предплечье уже проступил камень. Бледно-зеленые прожилки протянулись до самого запястья и просвечивали сквозь мягкую кожу, как полированный мрамор.

Всего одна ошибка!

Джекоб прислонился к закопченной колонне и поднял глаза к верхушке башни, где стояло зеркало. Никогда он не входил в него, не удостоверившись, что Уилл и мама уже спят, никогда. Но после маминой смерти там, по ту сторону, в его жизни стало еще на одну пустую комнату больше, и он ждал и не мог дождаться лишь одного – мига, когда снова можно будет приложить ладонь к темному стеклу и уйти. Как можно дальше.

Ты нетерпелив, Джекоб. Так и скажи. Это один из главных твоих недостатков.

Он как сейчас помнит искаженное испугом и неровностями стекла лицо Уилла, проступающее у него за спиной в темных зеркальных глубинах. «Джеки, ты куда?» Ночной рейс в Бостон, горящий тур в Европу, – за эти годы он поднаторел в отговорках. Он стал таким же изобретательным лжецом, каким был отец. Но на сей раз ладонь его уже легла на прохладную гладь зеркала – и Уилл, конечно же, последовал за ним.

Братик. Младшенький.

– Он уже и пахнет как они.

Лиса стояла перед ним, неведомо как появившись из черной тени полуразрушенных стен. Ее рыжий мех сиял, будто его только что покрасила сама осень, но на задней лапе все еще был виден шрам от капкана. Пять лет назад Джекоб ее из этого капкана вызволил, и с тех пор она не отходит от него ни на шаг. Охраняет его сон, предупреждает об опасностях, недоступных его человеческим органам чувств, и помогает советами, которых, как он успел убедиться, стоит слушаться.

Ошибка.

Джекоб прошел сквозь арку замковых ворот – на покореженных петлях болтались обугленные обломки досок. На потрескавшихся ступенях лестницы собирал желуди лесовичок. Едва на него упала тень Джекоба, он пугливо метнулся в сторону. Обыкновенный лесовичок – рыжий, остроносенький, в рубашке и штанах, пошитых из краденых людских обносок, – здесь, на развалинах, таких полно.

– Отправь его обратно! Иначе чего ради мы сюда шли?

В голосе Лисы явственно слышалось нетерпение.

Но Джекоб только головой покачал:

– Зря шли. Там, на той стороне, ему уже ничто не поможет.

Джекоб не единожды рассказывал Лисе о мире, откуда пришел, но она никогда по-настоящему его не слушала. Ей достаточно было знать одно: это место, куда он, Джекоб, слишком часто удаляется, возвращаясь оттуда с воспоминаниями, которые следуют за ним, словно тень.

«А то ты не знаешь, что с ним будет, останься он тут». Лиса не произнесла этого вслух, но Джекоб угадал ее мысли. Здесь, в этом мире, люди убивают даже собственных детей, завидев камень, прорастающий сквозь кожу.

Он глянул вниз, на уже едва различимые в сумерках красные черепичные крыши у подножия замковой горы. В Шванштайне засветились первые огоньки. Отсюда, издали, город напоминал сказочную средневековую картинку с жестяной банки из-под печенья, но за последние годы тут многое изменилось: протянулись за холмами рельсы железной дороги, повалил из фабричных труб темно-серый дым, хорошо различимый сейчас в вечернем небе. Мир в Зазеркалье торопился взрослеть. Но камень во плоти, разраставшийся под кожей брата, принесли в этот мир вовсе не машинные ткацкие станки и прочие технические новшества, а страшная колдовская сила, издревле обитавшая в здешних дремучих лесах и холмистых долах.

Золотой ворон опустился на потрескавшиеся плиты, однако Джекоб прогнал его прежде, чем тот успел прокаркать над Уиллом свои жуткие проклятия.

Брат застонал во сне. Человеческая кожа сопротивляется камню, и Джекоб чувствовал его боль как свою. Ведь если ради чего он и возвращался еще в тот, другой мир, то только из любви к младшему брату, хотя, надо признать, из года в год он делал это все реже. Мать только плакала и грозилась сдать его в приют, так никогда даже и не заподозрив, где он пропадает, зато Уилл всякий раз крепко обхватывал своими ручонками его за шею и спрашивал: что ты мне привез? Башмаки лесовичка, шапку дупляка, пуговицу из эльфо́ва стекла, клочок чешуйчатой кожи настоящего водяного... Уилл радостно прятал подарки старшего брата под кровать, а его истории мало-помалу привык считать сказками, которые Джекоб специально для него сочиняет.

Теперь-то братец знает: никакие это не сказки.

Джекоб снова накинул соскользнувший плащ на изувеченное плечо братишки. На небе уже показались обе луны.

– Следи за ним, Лиска! – Он встал. – Я скоро вернусь.

– Куда ты, Джекоб? – Лисица заступила ему дорогу. – Ему уже никто не поможет.

– Это мы еще посмотрим. – Он мягко ее отстранил. – Только на башню его не пускай.

Она долго смотрела, как он спускается вниз по лестнице. На этих замшелых каменных ступенях других человеческих следов не было – только его собственные. Сюда давно уже ни

одна душа подняться не отваживается. Разрушенный замок слывет проклятым местом, и за все эти годы Джекоб выслушал про него не одну дюжину страшных историй. Однако в историях этих не упоминалось ни про зеркало в башне, ни про того, кто это зеркало там оставил. Точно так же, как ему до сих пор ничего не удалось разузнать про отца – был ли он тут и куда подевался.

Мелкий дупляк юркнул ему за ворот. По счастью, Джекоб успел поймать его прежде, чем тот сорвал у него с шеи медальон. В любой другой день Джекоб немедля пустился бы в погоню за воришкой. Дупляки, обитающие в дуплах деревьев, порой хранят там богатые сокровища. Но он и так слишком много времени потерял.

Ошибка, Джекоб!

Ничего, он еще все исправит. Но всю дорогу, пока он спускался с горы, его неотступно преследовали слова Лисы.

Ему уже никто не поможет.

Если это правда, значит у него очень скоро не будет брата. Ни в этом мире, ни в том.

Ошибка.

3. Гоил

Поле под копытами коней Хентцау и его солдат все еще пахло кровью. Дожди затопили окопы рыжей водой, а за брустверами по обе стороны передовой во множестве валялись бесхозные винтовки и простреленные каски. Трупы людей и лошадей Кмен приказал сжечь, пока те не начали разлагаться, а вот павшие гоилы по-прежнему лежали там, где их настигла смерть. Еще несколько дней – и их невозможно будет отличить от валунов, выступающих тут и там из земли. Ну а головы самых отважных бойцов, по воинскому обычаю гоилов, свезут в крепость королевского замка.

Еще одна битва. Нет, Хентцау совсем не в радость победоносное кровопролитие, но надо надеяться, что этот бой хоть на какое-то время станет последним. Императрица наконец-то согласилась на переговоры, и даже Кмен не возражает против мира. Порыв ветра принес смрадное облако пепельного праха с вершины холма, где сжигали трупы, и Хентцау прикрыл лицо рукой. Шесть лет на голой земле, шесть лет без спасительной каменной защиты от прямых солнечных лучей. У него давно болят глаза, вобравшие в себя столько дневного света, и с каждым днем воздух становится все холоднее, разъедая его кожу, делая ее хрупкой, как ракушечник. Кожа Хентцау была из бурой яшмы. Отнюдь не самый благородный цвет в племени гоилов. Он, Хентцау, вообще первым из яшмовых гоилов сумел дослужиться до одного из высших воинских званий, впрочем, и короля до Кмена у гоилов тоже не было. Сам Хентцау ничего не

имел против цвета своей кожи. Яшма куда больше пригодна для маскировки, чем, допустим, оникс или лунный камень.

Ставка Кмена располагалась неподалеку от поля битвы, в охотничьем замке одного из генералов вражеской императорской армии, – сам генерал погиб, как и большинство его офицеров. Часовые перед искореженными воротами при виде Хентцау вытянулись по струнке и отдали честь. Кровавый пес короля, его яшмовая тень, – вот как его называют. Хентцау служил Кмену еще с той поры, когда они вместе воевали против других гоильских военачальников. Два года понадобилось, чтобы всех их победить и поубивать, зато в итоге у гоилов появился первый настоящий король.

От ворот до самого замка дорогу окаймляли беломраморные статуи, и Хентцау, проезжая мимо них, не в первый раз тешил ум забавной мыслью, что люди, увековечивая в камне своих богов и героев, питают ужас и отвращение перед такими, как он. Хотя даже они, мягкокожие, вынуждены признать: камень – единственное, что неподвластно тлену.

Окна замка были уже замурованы, как во всех зданиях, захваченных гоилами, но лишь на лестнице, что вела в подвалы, Хентцау наконец-то окутала блаженная черная тьма, какая царит только под землей. Всего несколько газовых ламп освещали мощные своды, под которыми, вместо съестных припасов, вин и охотничьих трофеев, укрылся теперь генеральный штаб короля гоилов.

Кмен. На их языке это имя означает просто «камень». Его отец командовал одним из самых нижних гоильских городов, но у гоилов отцы не много значат. Детей воспитывают матери, а с девяти лет гоил считается взрослым и уже сам себе хозяин. Большинство спускается все ниже в подземный мир открывать неизведанные пещеры и недра, добираясь до таких глубин, где жар непереносим даже для каменной кожи. Но Кмена всегда притягивал только верхний мир, наземный. Он долго жил в одном из тех пещерных городов, что гоилы построили и заселили над землей, когда им перестало хватать места в ее недрах, и пережил там два нападения мягкокожих. С тех пор он начал изучать оружие людей, их способы ведения войны, пробирался лазутчиком в их города и гарнизоны, а уже в девятнадцать лет завоевал первый человеческий город.

Когда стражники пропустили Хентцау, Кмен стоял перед разложенной на полу огромной картой, разглядывая занятые территории и позиции неприятеля. Фигурки, изображавшие различные рода войск, он приказал специально изготовить после первой же выигранной битвы. Всадники обозначали кавалерию, имелись тут и пехотинцы, и канониры, и стрелки. Фигурки гоилов были из темно-красного карнеола, императорские войска поблескивали серебром, Лотарингию отлили в золоте, вражеским армиям на востоке досталась медь, а соединения Альбиона мерцали кремовой белизной слоновой кости. Кмен напряженно вперился в карту, словно отыскивая способ разбить все неприятельские войска одним ударом. Он был без мундира, а значит, как обычно, в черном, на фоне которого его кожа, казалось, мерцает оттенками темного пламени. Никогда прежде не было у гоилов правителей с таким цветом кожи. Признаком знатного происхождения считался оникс.

Возлюбленная Кмена, как всегда, была в зеленом, пышные складки изумрудного бархата окутывали ее, как лепестки цветка. Самая дивная красавица из породы людей выглядела бы рядом с ней неказистой простушкой, как невзрачная галька на фоне отшлифованного лунного камня. Тем не менее Хентцау снова и снова строго-настрого запрещал своим солдатам на нее смотреть. Все эти истории про фей, будто они одним взглядом способны превратить мужчину то ли в трын-траву, то ли в рыбу, беспомощно трепещущую на песке, их ведь неспроста рассказывают. Красота феи – что паучий яд. Фея, как и все ее сестрицы, вышла из воды, и при одном ее виде Хентцау охватывал безотчетный страх, как при виде моря, чьи волны неустанно подтачивают все камни мира.

Когда он вошел, она удостоила его лишь мимолетным взглядом. Темная фея. Даже родные сестры – и те ее изгнали. Поговаривали, будто она умеет читать мысли, но Хентцау в это не верил. Будь это вправду так, она бы давно уже его убила.

Повернувшись к фее спиной, он почтительно склонил голову перед королем:

– Вы меня вызывали?

Кмен держал серебряную фигурку, задумчиво взвешивая ее на ладони.

– Тебе придется кое-кого для меня найти. Человека, в котором начал прорасти камень.

Хентцау покосился на фею.

– И где мне его искать? – буркнул он. – Их теперь таких тысячи.

Человекогоил. Прежде Хентцау убивал людей просто, вот этими каменными когтистыми руками, но фея изобрела особое колдовство: камень, прорастающий во плоти. Как и все феи, рожать детей она не могла, а коли так, она придумала дарить Кмену сыновей другим способом: теперь всякая рана, нанесенная гоилом человеку, превращала человека в гоила. И мало кто сражался против своих бывших собратьев с большим ожесточением, чем такие вот полукровки. Но Хентцау все равно их побаивался, как и феи, чьим колдовством они порождены.

По губам Кмена скользнула улыбка. Нет, фея не умеет читать мысли Хентцау, зато король – еще как.

– На этот счет не беспокойся. Того, кто мне нужен, отличить нетрудно. – Кмен поставил серебряную фигурку обратно на карту. – У него на коже прорастает нефрит.

Даже стражники переглянулись, но Хентцау лишь недоверчиво скривил губы. Плавильщики лавы, что варят кровь земли, птица без глаз, которая все видит, – и конечно же, нефритовый гоил, делающий непобедимым короля, которому служит... Рассказни для маленьких детей, годные лишь на то, чтобы расцветить картинками бездонную подземную тьму.

– И какой же разведчик вам все это рассказал? – Хентцау невольно провел рукой по зудящей коже. Уже скоро станет так холодно, что кожа начнет трескаться, как стекло. – Прикажите его расстрелять. Нефритовый гоил – это небылица. С каких это пор вы стали верить в сказки?

Всякому другому гоилу такие слова могли стоить жизни, вон и стражники испуганно потупились, но Кмен только передернул плечами.

– Найди его! – приказал он снова. – Он ей приснился.

Опять она. Фея огладила бархатные складки платья. По шесть пальцев на каждой руке. На каждое колдовство по пальчику. Но пальчики-то вон до сих пор трясутся. Видать, сон не сильно хороший был. Хентцау почувствовал, как все в нем закипает от гнева. Этот гнев, подобный огненному жару земных недр, носят в себе все гоилы. Если понадобится, Хентцау жизнь отдаст за своего короля, но разыскивать наяву всякую чушь, пригрезившуюся его возлюбленной, – это совсем другое дело.

– Чтобы стать непобедимым, вам никакой нефритовый гоил не нужен.

Кмен смерил его долгим взглядом, как чужака.

Король. Хентцау в очередной раз поймал себя на мысли, что боится называть его по имени.

– Найдешь его, – повторил Кмен. – Она говорит, это важно, а она еще ни разу не ошибалась.

Фея подошла к королю и встала рядом. Ах, с какой радостью Хентцау сдавил бы сейчас ручищами эту бледную шею... Но даже эта мысль не принесла утешения. Фея ведь бессмертна, и это она переживет его, а не наоборот. И короля переживет тоже. И детей короля. И его внуков и правнуков. Все они только игрушки в ее руках, ее смертные каменные игрушки. Но король любит ее, любит куда сильнее, чем обеих своих гоильских жен, которые подарили ему трех дочерей и сына.

«Потому что она его околдовала», – шепнул внутренний голос. Но Хентцау только склонил голову и приложил к груди кулак.

– Как прикажете.

– Я видела его в Черном лесу. – У нее даже голос был какой-то водяной, журчащий.

– Это же добрых шестьдесят квадратных миль!

Фея лишь улыбнулась, и Хентцау почувствовал, как у него сердце заходится от ненависти и страха.

Ни слова не говоря, она вынула из волос жемчужные заколки, на которых, как у людских женщин, держалась ее высокая прическа, и провела по волосам рукой. Полчища черной моли, с бледными, похожими на черепа пятнышками на крыльях, вылетели у нее между пальцев. Стражники, едва это черное облако устремилось на них, кинулись распахивать двери, да и солдаты Хентцау, ждавшие в темной прихожей, испуганно прижались к стенам. Все они знали: эта моль прокусывает даже каменную кожу.

Фея, однако, как ни в чем не бывало водворила заколки на место.

– Когда они его найдут, – произнесла она, не удостоив Хентцау взглядом, – они к тебе прилетят. А ты немедленно доставишь его мне.

Его солдаты, благо дверь оставалась открытой, таращились на фею во все глаза, но мгновенно опустили головы, стоило Хентцау обернуться.

Фея.

Да будь она проклята, она и та злосчастная ночь, когда, откуда ни возьмись, она появилась между их шатрами. Третья битва, третья победа. А она напрямик двинулась к королевскому шатру, вся будто сотканная из стонов раненых и лунного света, бесстрастно лившегося на убитых воинов. Хентцау заступил ей дорогу, но она просто прошла сквозь него, как вода сквозь пористый камень, будто он тоже уже мертвец, прошла – и украла у короля сердце, чтобы вложить его в свою щедедушную, бессердечную грудь.

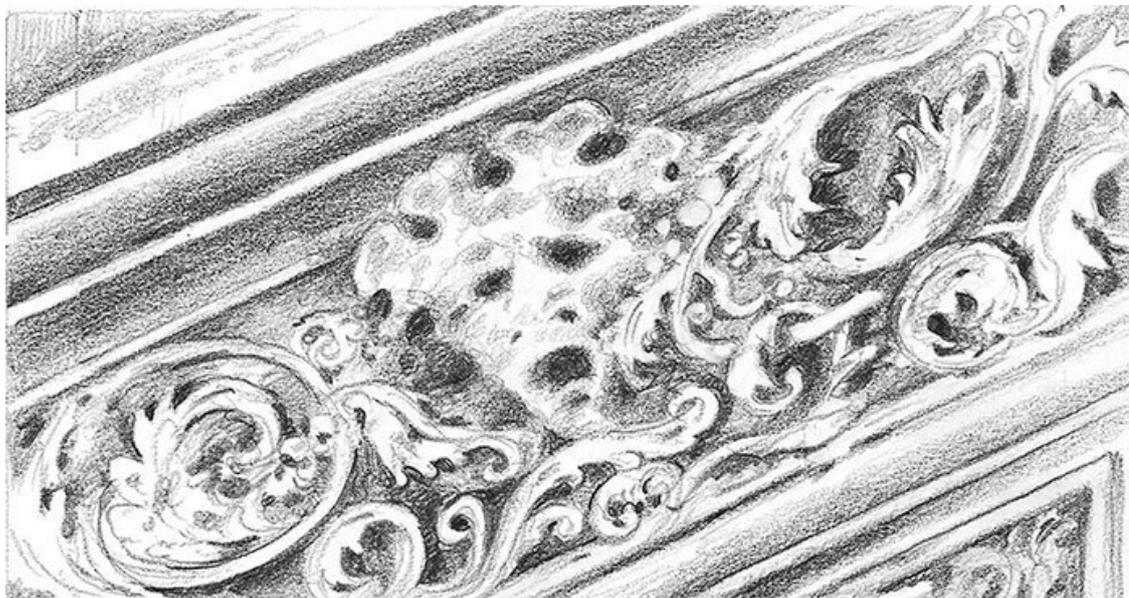
Однако даже он, Хентцау, вынужден был признать: самое отменное оружие не сеет в рядах противника и десятой доли того ужаса, в какой повергает его колдовское заклятие, превращающее мягкую людскую плоть в камень. Впрочем, он был уверен: в этой войне они победили бы и без колдовства, и, по совести, такая победа была бы ему куда больше по вкусу.

– Я отыщу нефритового гоила и без вашей моли, – бросил он. – Если это и вправду не только сон.

Она ответила ему лишь улыбкой. Но улыбка эта змеей ползла за ним до самого крыльца, где его встретил нестерпимый дневной свет, от которого темнело в глазах и кожа начинала трескаться, как иссыхающая глина.

Да будь она проклята.

4. По ту сторону

Голос Уилла звучал так странно... Клара вообще с трудом его узнала. Сначала столько недель ни слуху ни духу, а потом этот чужой голос по телефону, – и даже не объяснит толком, зачем звонит.

Казалось, народу на улицах даже больше, чем обычно, и она никогда не доберется до старинного доходного дома, где Уилл и его старший брат родились и выросли. С серого фасада глядели угрюмые, изъеденные копотью каменные лица. Клара невольно подняла на них глаза, когда швейцар распахнул перед ней дверь подъезда. Она даже переодеться не успела – так и выскочила в зеленом форменном халате из больницы, только пальто набросила. Вообще ни о чем подумать не успела. Помчалась сломя голову.

Уилл...

У него был такой потерянный голос. Как будто он тонет. Или прощается навсегда.

Она задвинула за собой решетку старого лифта. Тот же самый форменный больничный халат был на ней и в тот день, когда они с Уиллом впервые встретились – у дверей палаты, где лежала его мать. Клара часто подрабатывала по выходным в больнице, и не только потому, что ей нужны были деньги. В университете за всеми учебниками и лекциями как-то забываешь, что кровь и боль – очень даже реальные вещи.

Седьмой этаж.

Медная табличка на двери настолько потускнела, что Клара непроизвольно протерла ее рукавом.

Бесшабашный. Уилл частенько потешался, до какой степени не подходит ему собственная фамилия.

За незапертой дверью ее встретила горка невскрытых писем на коврике, но в прихожей горел свет.

– Уилл?

Она приоткрыла дверь в его комнату.

Никого.

И на кухне тоже.

Судя по виду квартиры, здесь много недель вообще никого не было. Но Уилл сказал, что звонит из дома. Тогда где же он?

Клара прошла мимо пустой комнаты, где жила мать Уилла, потом мимо комнаты его брата, которого она еще ни разу не видела. «Джекоб уехал». Этот Джекоб всегда был в отъезде. Иногда ей казалось, может, Уилл этого брата просто выдумал?

Вдруг она остановилась.

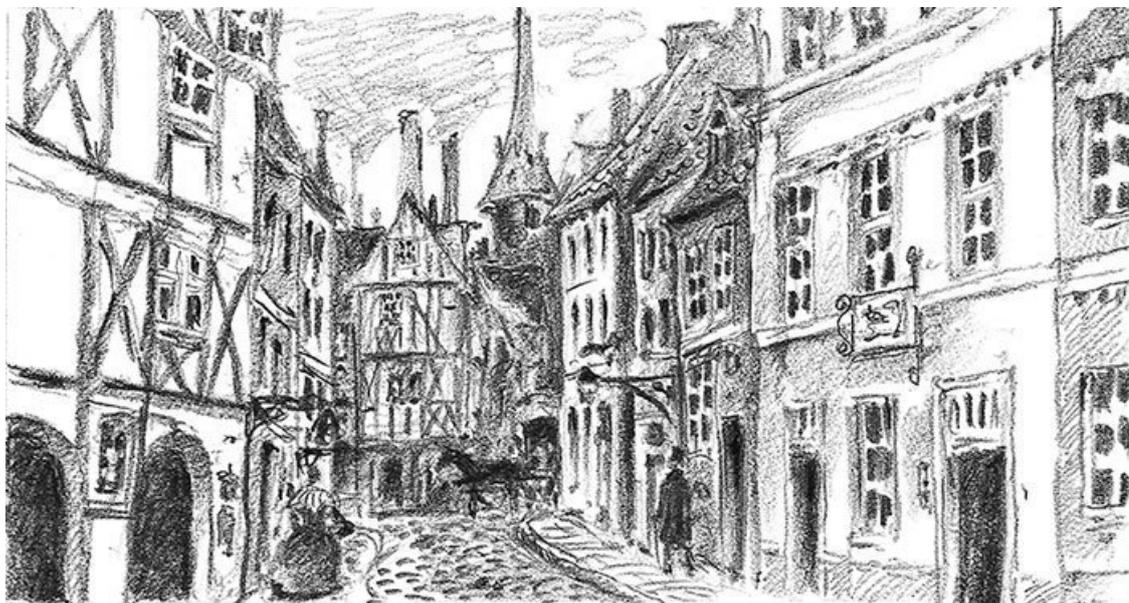
Дверь в отцовский кабинет открыта. А ведь Уилл никогда туда не заходил. Все, что связано с отцом, для него как будто не существовало.

Помешкав в нерешительности, Клара все же вошла. Книжные стеллажи, застекленный шкаф, письменный стол. Над столом – модели самолетов; на крыльях, словно грязный снег, толстенный слой пыли. Пыль в комнате вообще повсюду, а еще холод жуткий – вон, даже пар идет изо рта.

Зеркало.

Клара подошла, провела рукой по серебряным розам на раме. Она в жизни ничего прекрасней не видела. Само стекло в раме было темное-претемное, словно в нем растворилась вся мгла ночи. От холода стекло запотело, но посерединке, где отразилось ее лицо, она явственно различила отпечаток ладони.

5. Шванштайн

Мутный фонарный свет выплескивался на улицы Шванштайна, словно сбежавшее молоко. Газовое освещение, грохот деревянных колес по булыжным мостовым, на женщинах юбки до земли, подошвы набухли от дождя. Влажный осенний воздух пропах угольным дымом, от которого чернеет белье, развешанное над улицей между островерхими домами. Прямо напротив почтовой станции водрузился железнодорожный вокзал, завелось в городе уже и свое телеграфное бюро, а также фотограф, запечатлевавший несминаемые цилиндры и пышные рюши на серебряных пластинках – дагеротипах. Тут и там можно было заметить и велосипеды, прислоненные к стенам домов под плакатами, призывающими остерегаться золотых воронов и водяных. Нигде больше зазеркальный мир не силился подражать жизни на той, другой стороне с таким неистовым усердием, как здесь, в Шванштайне. В городском музее было множество экспонатов весьма подозрительного, явно потустороннего происхождения, а компас и фотоаппарат Джекоб до сих пор почти наверняка опознавал как отцовские вещи, только никто так и не смог ему сказать, куда подевался оставивший их незнакомец.

Городские колокола возвещали наступление вечера, когда Джекоб вышел на улицу, ведущую к рыночной площади. Перед лавкой булочника карлица продавала жареные каштаны. Их сладковатый запах смешивался с ядреным ароматом конских яблок, обильно усыпавших мостовую кучками и поврозь. Изобретение автомотора пока что не просочилось сквозь зеркало, а конный памятник на рыночной площади увековечивал образ государя, который еще устраивал среди окрестных холмов охоты на настоящих великанов. Это был предок нынешней императрицы, Терезы Австрийской, чей род столь успешно истреблял не только великанов, но и драконов, что и те и другие в пределах империи считались окончательно вымершими. Мальчишка, продававший возле памятника газеты, звонко оглашая вечер заголовками последних новостей, наверняка никогда не видел и уже не увидит ни отпечатка великанской ступни на мокрой глине, ни черной подпалины от огнедышащей драконьей пасти на городской стене.

Решающая битва... Тяжелые потери... Геройская гибель генерала... Секретные переговоры с гоилами...

В зазеркальном мире шла война, и побеждали в ней, увы, отнюдь не люди. Всего четыре дня назад они с Уиллом наткнулись на один из дозорных отрядов неприятеля, и встреча эта до сих пор стоит у Джекоба перед глазами: как из-под земли вынырнули они из леса, трое

солдат и офицер, – каменные, мокрые от дождя лица, отливающие золотом глаза и жуткие руки-крюки, одним махом располосовавшие брату всю шею. Гоилы.

«Заботься о брате, Джекоб».

Он взял газету и сунул мальчишке три медных гроша в грязную ладонь. Лесовичок, пристроившийся у мальчишки на плече, пренебрежительно покосился на монетки. Многие лесовички прибивались к людям, позволяя одевать себя и кормить, что, впрочем, никак не сказывалось на их неизменно скверном характере.

– Гоилы далеко? – спросил Джекоб.

– Не дальше пяти миль отсюда. Когда ветер с той стороны, – мальчишка махнул на юго-восток, – даже выстрелы слышно. А со вчерашнего дня все тихо, – закончил он почти с обидой в голосе.

В его годы даже война – всего лишь приключение.

Императорские солдаты, выходявшие из трактира, что возле церкви, наверняка были на сей счет другого мнения. «У ЛЮДОЕДА». Джекоб сам был свидетелем события, подарившего трактиру название, а хозяину стоившее правой руки.

Сейчас, когда Джекоб вошел в полутемную пивную, Альберт Ханута с мрачной миной стоял за стойкой. Это был до того толстый и крепкий коротышка, что поговаривали, будто в его в жилах течет кровь троллей, – слух в Зазеркалье отнюдь не лестный. Но до того как людоед оттяпал ему руку, Ханута слыл лучшим охотником за сокровищами во всей Аустрии, и Джекоб много лет пробыл у него в обучении. И Ханута действительно показал ему здешние пути-дорожки к богатству и славе, за что Джекоб отблагодарил учителя, успев спасти от людоеда если не его руку, то хотя бы голову.

Стены корчмы украшали трофеи славного прошлого Хануты: голова бурого волка, печеная дверца из пряничной избушки, волшебная дубинка в мешке, сама соскакивающая со стены проучить разбуянившегося гостя, чешуйчатая шкура водяного, а на самом видном месте, прямо над стойкой, висела на цепях ручища людоеда, положившего конец карьере Хануты-кладоискателя. Мертвенной голубизной эта конечность напоминала лапу гигантского варана.

– Гляди-ка! Джекоб Бесшабашный! – Сумрачная физиономия Хануты и впрямь расплылась в ухмылке. – А я думал, ты в Лотарингии, волшебные песочные часы разыскиваешь.

Как охотник за сокровищами, Ханута, разумеется, был ходячей легендой, однако и Джекоб со временем снискал на этом поприще немалую славу. Трое посетителей за столом с любопытством подняли головы.

– Спровадь-ка их поскорей, – шепнул Джекоб через стойку. – Разговор есть.

И поднялся вверх к себе в каморку – единственное убежище и в том, и в этом мире, которое он называл своим домом.

Скатерть-самобранка, хрустальный башмачок, золотой мяч принцессы – Джекоб уже много чего отыскал в этом мире и за хорошие деньги сбыл знатным покупателям и богатым купцам. Но в сундуке, что неприметно стоял за дверью его невзрачной каморки, он хранил те сокровища, что приберег для себя. Это были верные подручные в его ремесле, не раз вызволявшие своего хозяина из беды, вот только он не думал не гадал, что когда-нибудь придется прибегать к их помощи ради спасения родного брата.

Первым он извлек из сундука новосой платок, с виду – обычный льняной лоскут. Но стоило потереть платок между пальцами, и он безотказно выдавал владельцу один, а то и два золотых талера. Много лет назад Джекоб получил его от ведьмы в обмен на поцелуй, который потом еще много месяцев жег ему губы. Сунув платок в карман, он стал складывать в рюкзак другие вещицы, на первый взгляд тоже вполне обыкновенные: серебряную табакерку для нюхательного табака, медный ключ, оловянную миску, пузырек зеленого стекла. Но каждая из них по меньшей мере однажды уже спасала ему жизнь.

Когда Джекоб снова спустился вниз, в трактире было пусто. Хозяин, устроившийся за одним из столов, придвинул ему стакан вина.

– Ну? Что за беда с тобой на сей раз приключилась?

Ханута с вожделием глядел на вино – перед ним-то самим стоял стакан воды. В прежние времена он так напивался, что Джекоб прятал от него бутылки, невзирая на то что Ханута нещадно его за это бил. Он и в трезвом виде частенько его поколачивал, пока однажды Джекоб не наставил на него его же собственный пистолет. Он и в пещеру к людоеду спьяну поперся. Будь он тогда трезвый, может, без руки бы не остался. Зато после того случая с выпивкой завязал. Здесь, в Зазеркалье, старый охотник за сокровищами стал Джекобу вроде отца, пусть и никудышного, хотя Джекоб всегда относился к нему с легкой опаской, но если кто на свете и знал, как спасти Уилла, то только он, Альберт Ханута.

– Как бы ты поступил, если бы у твоего друга стало прорасти каменное мясо?

Ханута поперхнулся водой и уставился на Джекоба, словно желая удостовериться, уж не о себе ли тот говорит.

– Нету у меня друзей, – буркнул он. – И у тебя тоже. Другьям, им верить надо, а мы по этой части не больно мастаки. Кто это?

Джекоб только покачал головой.

– Ах да, как же это я позабыл, Джекоб Бесшабашный любит скрытничать. – В уязвленном голосе Хануты слышалась горечь. Несмотря ни на что, он считал Джекоба сыном – своего-то сына у него не было. – И давно ли твоего друга цапнули?

– Четыре дня назад.

Гоилы напали на них неподалеку от деревни, где Джекоб и вправду искал волшебные песочные часы. Он просчитался, не предполагал, что их передовые отряды столь глубоко просочились в тылы императорской армии, а потом у Уилла начались такие боли, что возвращаться пришлось трое суток. Да и куда, зачем было возвращаться? Некуда и незачем. Но сказать об этом Уиллу у Джекоба просто не хватало духа.

Ханута запустил пятерню в седую щетину.

– Четверо суток? Тогда и думать забудь. Он считай что наполовину уже ихний. Помнишь времена, когда императрица их коллекционировала, всех цветов и оттенков? А крестьянина помнишь, который пытался всучить нам гоильского мертвеца, сажей его перемазал и уверял, что это огромный оникс?

Да, Джекоб помнит. Каменнолицые. Тогда их еще так называли, и детишек ими пугали, страшные сказки на ночь про них рассказывали. Как раз когда они с Ханутой стали вместе на поиски выходить, гоилы начали селиться в пещерах над землей, и чуть ли не каждая деревня устраивала на них облавы. Но с тех пор у них свой король появился, сумевший недавних охотников превратить в добычу.

У задней двери раздался шорох. Ханута мгновенно выхватил нож и метким броском пригвоздил к стене подскочившую от испуга крысу.

– Мир катится в таргарары, – пробурчал он, отодвигая стул. – Крысы вырастают величиной с собак. От всех этих фабрик на улице не продохнуть, как в вонючей норе у тролля, а гоилы стоят всего в нескольких милях от города.

Он подобрал дохлую крысу и бросил ее на стол.

– Против каменного мяса средства нет. – Рукавом он отер кровь с ножа. – Но если бы зацепило меня, я бы поскакал к хижине ведьмы и поискал бы в саду куст с черными ягодами. Правда, ведьма должна быть не абы какая, а деткоежка.

– Постой, разве все деткоежки не перебрались в Лотарингию с тех пор, как не только императрица, но и остальные ведьмы на них ополчились?

– Но дома-то еще стоят. И кусты все еще растут, аккурат там, где они детские косточки закапывали. Эти ягоды помогают от заклятий. Сильнее снадобья я не знаю.

Ведьмины ягоды. Взгляд Джекоба остановился на печной дверце, что висела на стене.

– А ведьма из Черного леса – она ведь деткоежка была, верно?

– Еще какая. Из самых прожорливых. Я у нее в дому как-то гребень искал, ну, который, если им причесаться, человека в ворону превращает.

– Помню-помню. Ты меня вперед послал.

– Правда? – Ханута смущенно потер свой мясистый нос.

Он тогда уверил Джекоба, что ведьмы нет дома.

– А потом раны мне водкой поливал.

Следы от ведьминых пальчиков до сих пор красовались у него на шее. Эти ожоги несколько месяцев не заживали.

Джекоб забросил мешок за плечи.

– Мне понадобится выючная лошадь, провиант, две винтовки и патроны.

Ханута с безмятежным видом разглядывал свои трофеи, словно и не слышал.

– Добрые старые времена, – пробормотал он. – Сама императрица трижды удостоила меня аудиенции. А ты сколько раз сподобился?

Джекоб потер платок у себя в кармане, пока не нащупал между пальцами два золотых талера.

– Два раза, – сказал он, бросая талеры на стол.

На самом деле у него на счету было уже шесть высочайших аудиенций, но он знал, что эта маленькая ложь доставит Хануте огромное удовольствие.

– Припрячь свое золотишко, – пробурчал он. – С тебя я денег не возьму. – Потом протянул Джекобу нож: – Бери вот. Этот клинок режет все на свете. Сдается мне, тебе он сейчас нужнее будет.

6. Влюбленный болван

Уилла не было. Вводя выючную лошадь в проломанные замковые ворота, Джекоб сразу это почувствовал. Все вокруг дышало таким безлюдьем, словно братец никогда и не приходил сюда сквозь зеркало, словно все снова хорошо и этот мир принадлежит только ему, Джекобу, ему одному. Лишь на секунду он испытал что-то вроде облегчения.

Отправь его обратно, Джекоб. Почему бы и не забыть, что у тебя был брат?

– Он обещал вернуться. – Лиса сидела под колоннами. Ночь перекрасила ее шубу в черный цвет. – Я пыталась его удержать, но он такой же упрямый, как ты.

Еще одна ошибка. Надо было взять Уилла с собой в Шванштайн, а не оставлять тут в развалинах. Уилл хотел домой. Только домой. Но камень-то здесь не оставишь, камень он с собой потащит.

Джекоб отвел лошадь за развалины, туда, где паслись две другие, а сам направился к башне. Его тень отбрасывала на каменные плиты одно-единственное слово: домой. Для тебя, Джекоб, это что нож острый, а для Уилла все еще надежда.

Закопченные стены заросли плющом настолько, что вечнозеленые побеги укрыли вход в башню подобием портьеры. Башня была единственной частью замка, которую почти не повредил огонь. Внутри роились летучие мыши и отсвечивала в темноте веревочная лестница – Джекоб повесил ее там много лет назад, а эльфы посеребрили своей пылью, как бы давая понять: они-то помнят, откуда он сюда явился.

Берясь за веревку, он поймал на себе встревоженный взгляд Лисы.

– Как только я вернусь с Уиллом, мы выходим, – бросил он.

– Выходим? Куда?

Но Джекоб уже карабкался вверх по раскачивающимся перекладинам.

Обе луны заливали верхнюю комнату башни ярким светом. Перед зеркалом стоял его брат. И он был не один.

Едва слышав шорох за спиной, из его объятий выскользнула девушка. Она оказалась даже более хорошенькой, чем на фотографиях, которые Уилл ему показывал. Влюбленный болван.

– Она-то что здесь делает? – Джекоб чуть не задохнулся от возмущения. – Ты совсем спятил?

Он стяхнул с ладоней эльфову пыльцу. Иначе и не заметишь, как заснешь, – пыльца усыпляет лучше всякого снотворного.

– Клара, – Уилл взял девушку за руку, – это мой брат. Джекоб.

С каким благоговением он произнес ее имя! Бедняга Уилл всегда принимал любовь слишком всерьез.

– Тебе все еще мало? Ты так и не понял, куда попал? – накинулся на него Джекоб. – Отправь ее обратно. Немедленно!

Она была напугана, но держалась из последних сил. Напугана самим этим невозможным местом, невиданной красной луной в черном небе за окном... *А еще она боится тебя, Джекоб.* Похоже, она не верила, что он и вправду существует на свете. Старший брат Уилла. Столь же нереальный, как и все, что ее сейчас окружает.

Теперь уже она держала Уилла за руку.

– Что это такое? – с трудом выдавила она. – Что с ним? Я таких высыпаний никогда не видела!

Ну понятно. Студентка-медичка... *Нет, ты только погляди на нее, Джекоб! Да эта дуручка влюблена ничуть не меньше твоего братца.* До того влюблена, что даже в иной мир за своим ненаглядным пожаловала.

Где-то наверху послышался шорох, и из тьмы между балками на них воззрилось бледное, изможденное лицо. Джекоб так до сих пор и не извел острозуба, покусавшего его во время первой вылазки в Зазеркалье. Впрочем, отвратительная физиономия мгновенно скрылась в паутине, едва Джекоб выхватил пистолет. Первое время он пользовался допотопным револьвером из отцовской коллекции, но в конце концов заказал оружейнику в Нью-Йорке старинный на вид пистолет с ультрасовременной начинкой.

Клара оторопело уставилась на поблескивающий ствол.

– Отправь ее обратно, Уилл. – Джекоб засунул оружие за пояс. – Последний раз говорю.

И хотя Уилл на днях имел возможность убедиться, что бывают на свете вещи пострашнее немилости старшего брата, он, поколебавшись, все же повернулся к Кларе и ласково отвел белокурый локон с ее лба.

– Джекоб прав, – едва слышно шепнул он девушке. – Я скоро вернусь. Все пройдет, вот увидишь. Брат обязательно что-нибудь придумает.

Джекоб никогда не мог понять, откуда эта безграничная вера в глазах братишки. И ничто, даже долгие годы разлуки, не могло эту веру поколебать.

Джекоб повернулся и молча направился к люку.

– Уходи обратно, Клара, прошу тебя, – услышал он слова брата.

Однако лишь когда он уже спрыгнул на пол, брат наконец показался в просвете люка. Уилл спускался медленно, через силу – ему смерть как не хотелось обратно вниз. Но вот наконец он стоит рядом с ним, разглядывая волшебную пыльцу у себя на ладонях. Сладкий сон, упоительные сновидения. Если подумать, очень даже неплохой подарок. Но он стяхнул пыльцу с пальцев, как научил его Джекоб, и потрогал себя за шею. Да, первые бледно-зеленоватые прожилки проступили уже и там.

– Тебе-то самому никто не нужен, верно, Джеки? – В голосе брата звучала едва ли не зависть. – Ты всегда такой был.

Джекоб раздвинул заросли плюща в проеме двери.

– Если она тебе так дорога, – сказал он, – оставил бы ее там, где для нее безопаснее.

Лиса поджидала их возле лошадей. И ей совсем не понравилось, что Джекоб ведет с собой Уилла. *Ему уже никто не поможет.* Ее взгляд все еще твердил эти слова.

Это мы еще посмотрим, Лиска.

Лошади были встревожены. Уилл каждую погладил по ноздрям, по шее. Его ласковый братец. Раньше каждую бродячую собаку в дом тащил, в парке над каждой отравленной крысой слезами обливался. Вот только в мерзости, врастающей сейчас ему в плоть, чего-чего, а ласковости точно не будет.

– Куда мы теперь? – спросил Уилл, оглядываясь на башню.

Джекоб протянул ему одну из винтовок, притороченных к седлу выючной лошади.

– В Черный лес.

Лиса подняла голову.

Да знаю я, Лиса. Место не из приятных.

Кобыла ткнулась мордой ему в спину. В свое время Джекоб выложил за нее Хануте все, что заработал за целый год, но она каждый талер честно и с лихвой отработала. Он собрался было подтянуть подпругу, как вдруг услышал предостерегающее рычание Лисы.

Шаги. Теперь медленнее. Замерли.

Джекоб обернулся.

– Что бы здесь ни было... – под закопченными колоннами стояла Клара, – но я нужна Уиллу. И хочу знать, что случилось.

Лиса смотрела на нее во все глаза, как на диковинного зверя. В здешнем мире женщины носят длинные платья, а волосы либо убирают в высокие прически, либо на деревенский лад заплетают в косы. А на этой вообще штаны и волосы короткие, как у мальчишки.

Отдаленный волчий вой огласил ночную тьму. Уилл увлек Клару в сторонку и стал что-то горячо ей доказывать, но та только вцепилась ему в руку, ощупывая зеленоватые затвердения под кожей.

Не ты один теперь заботишься об Уилле, Джекоб. Клара бросила взгляд в его сторону, и на миг этот взгляд живо напомнил ему лицо матери. Почему он так никогда и не рассказал ей о зеркале? А вдруг зазеркальный мир стер хотя бы толику скорби с ее лица? *Поздно, Джекоб. Слишком поздно.*

Лиса все еще не сводила с девушки глаз. А ведь Джекоб иногда вообще забывал, что на самом деле никакая она не лиса.

Еще один волк подал голос вдали. Большинство из них безобидны, но иногда попадаются бурые, а эти очень уж любят человечину.

Уилл тревожно вслушался в ночные звуки. Потом снова принялся уговаривать Клару.

Лиса подняла нос.

– Нам пора, – шепнула она Джекобу.

– Пусть сперва ее спроводит.

Лиса вперилась в него взглядом. Янтарные глазищи.

– Возьми ее с собой.

– Нет!

Она будет их задерживать, а Лиса не хуже его знает: времени брату отмерено в обрез. Хоть он, Джекоб, самому Уиллу этого еще не объяснил.

Лиса снова оглянулась на девушку.

– Возьми ее! – повторила она снова. – Она еще пригодится твоему брату. И тебе тоже. Или ты перестал доверять моему чутью?

С этими словами она растворилась в ночи, не желая больше терять время на споры.

7. Дом ведьмы

Непролазные чащобы корней, стволов, веток, колючек, листьев. Деревья-исполины и молодые деревца одинаково жадно тянутся к свету, скудно просачивающемуся сквозь шатер густой листвы. Рои светляков над озерцами стоячей воды. Опушки, над которыми ядовитые грибы-летуны выписывают свои коварные вензеля. Последний раз Джекоб был в Черном лесу четыре месяца назад, разыскивал человека-лебедя, прятавшего птичье оперение под рубашкой из крапивы. Но на третий день прекратил поиски: в этих сумрачных дебрях, в мглистой затхлой полутьме дышать было совсем нечем.

До Черного леса они добрались лишь к полудню, потому что у Уилла опять начались боли. Камень расползлся теперь у него и по шее, но Клара делала вид, будто ничего не замечает. Воистину любовь слепа. А девушка словно силилась доказать истинность этой поговорки. Она не оставляла Уилла ни на миг и нежно обнимала его за плечи, когда камень принимался расти и Уилл корчился в седле от боли. Но когда Клара думала, что за ней никто не наблюдает, Джекоб успевал подметить промельки страха и на ее лице. На ее расспросы о камне он отвечал тем же враньем, что и брату: дескать, это только кожные наросты и в здешнем мире вылечить их легче легкого. Убедить ее было нетрудно. Они оба слишком охотно ему верили.

Против ожиданий, Клара очень неплохо держалась в седле. По дороге он купил ей на рынке платье, но она, безуспешно попытавшись в широкой юбке сесть на лошадь, решительно попросила его поменять «эту хламиду» на мужскую одежду. Девчонка в мужском платье и Уилл с каменным пятном на шее – Джекоб и вправду вздохнул с облегчением, когда деревни и дороги остались позади и они въехали под сень деревьев, хоть и знал, какие опасности их тут подстерегают: кровоеды, грибуны, ловушечники, вороняки, – в Черном лесу полным-полно весьма негостеприимных обитателей. Чтобы нечисти в лесу поубавилось, императрица за некоторых назначила вознаграждение: пятнадцать серебряных талеров за грибуна (и два талера надбавки, ежели он ядом летучих грибов плюется), тридцать – за вороняку (от этих, правда, только глаза беречь надо). Сам-то Джекоб подобным образом никогда на жизнь не зарабатывал, но и без него хватало тех, кто по глупости или с голоду отправлялся в лес в надежде добыть ту или иную тварь и не возвращался.

Многие деревья уже стояли полуголые, но лес все еще был укрыт столь плотным пологом листвы, что дневной свет превращался здесь в пятнистые осенние сумерки. Уже вскоре им пришлось спешиться: лошади все чаще застревали в колючих зарослях подлеска. Джекоб строго-настрого запретил Уиллу и Кларе прикасаться к деревьям. Однако при виде мерцающих жемчужин – приманки, оставленной кровоедом на коре дуба, – Клара, конечно же, забыла

обо всех предостережениях. Джекоб едва успел содрать у нее с руки мелкую гнусную тварь, прежде чем та юркнула девушке в рукав.

– Это вот, – процедил он, сунув кровоеда Кларе чуть ли не под нос, – одна из причин, почему нельзя прикасаться к деревьям. От первого укуса тебе станет нехорошо, второй тебя обездвижит, но ты останешься в сознании и сможешь наблюдать, как вся их семейка примется лакать твою кровушку. Смерть не из приятных.

Теперь ты понимаешь, что надо было отправить ее назад?

Прижимая к груди перепуганную Клару, Уилл ясно прочел упрек в глазах брата. Но после того случая Клара научилась быть осторожной. И когда им преградила путь мокрая от росы паутина ловушечника, именно Клара успела Уилла удержать и оттащить, и именно она прогнала золотого ворона прежде, чем тот прокаркал над ними свои проклятия.

И все равно. Ей здесь не место. И брату не место, а уж ей и подавно. Она же всем сразу бросается в глаза.

Лиса строго на него оглянулась.

Прекрати, одернул его ее взгляд. Пусть остается, и повторяю тебе снова: она ему еще пригодится.

Лиса. Его пушистая тень. Блуждающие огни, зыбкими роями мерцающие меж деревьев, своим мертвенным светом и тихим жужжанием давно бы сбили с пути даже Джекоба, но Лиса только отряхивалась от них, как от назойливой мошкары, и уверенно вела их дальше.

Часа три спустя среди ясеней и дубов им попало первое ведьмино дерево, и, как раз когда Джекоб показывал Кларе и Уиллу его колючие ветки, особенно хваткие до человеческих глаз, Лиса вдруг остановилась как вкопанная.

Сквозь жужжание светляков звук был еле слышен. И напоминал чиканье ножниц. Чик-чик. Совсем не грозный звук, даже, можно сказать, веселый. Уилл и Клара его вообще не заметили. Но шуба Лисы разом оцетинилась, а рука Джекоба сама легла на рукоять сабли. Он знал: лишь один обитатель Черного леса способен издавать такие звуки, и именно с ним Джекобу меньше всего хотелось бы повстречаться.

– Пойдем скорее, – шепнул он Лисе. – Далеко еще?

Чик-чик. Звук приближался.

– Может, и не проскочим, – шепнула в ответ Лиса.

Чиканье замерло, но во внезапно наступившей тишине было что-то жуткое. Умолкли птицы. Даже блуждающие огни куда-то подевались. Лиса тревожно вглядывалась в лесную чащу, а потом припустила вперед с такой прытью, что лошади, застревая в густом подлеске, поспевали за ней с трудом.

Лес становился все темней, и Джекоб достал из рюкзака карманный фонарик, предмет из другого мира. Им все чаще приходилось обходить ведьмины деревья. Дубы и ясени сменились зарослями терна. Вековые ели мохнатыми черно-зелеными лапами скрадывали последние остатки света, и даже лошади испуганно отпрянули, когда между стволами, как из-под земли, перед ними вдруг вырос дом.

Когда Джекоб в прошлый раз приходил сюда вместе с Ханутой, красная черепица просвечивала сквозь частокол деревьев еще издали, новенькая, будто только что облитая вишневым соком. Теперь вся она заросла мхом, но на стенах и островерхой крыше все еще оставалось несколько прилепленных пирожных. С водосточного желоба и карнизов, посверкивая сахарной глазурью, свисали леденцовые шишки, а сам дом, как и полагается ловушке для детей, источал густой аромат корицы и меда. Другие ведьмы не раз пытались изгнать деткоежку из своих рядов, пока наконец два года назад не объявили ей настоящую войну. С тех пор, по слухам, свирепая ведьма, чьи злодеяния снискали Черному лесу столь дурную славу, доживала свой век в болоте в обличье бородавчатой жабы.

На окружавшем дом кованом заборе кое-где все еще лепились пестрые пуговицы-карамельки. Лошадь Джекоба мелко затряслась, когда он вводил ее в ворота. Ограда пряничного дома охотно впускала любого гостя, зато никого не выпускала обратно. Ханута в прошлый раз все время следил, чтобы ворота оставались открытыми, но сейчас куда больше ведьмино колдовства Джекоба беспокоил тот, кто по пятам шел за ними. И действительно, едва створки ворот за Клариной спиной сомкнулись, из леса снова послышалось чиканье, на сей раз почти разгневанное. Но оно, по крайней мере, не приближалось, и в мимолетном взгляде Лисы Джекоб прочел облегчение. Она не ошиблась в расчетах: похоже, их преследователь дружбы с ведьмой не водил.

– А если он решит нас дожидаться? – шепотом спросила Лиса.

Вот именно, Джекоб, что тогда? Ему было все равно. Если только куст, про который говорил ему Ханута, все еще растет за домом.

Уилл отвел лошадей к колодцу и уже спускал вниз ржавое ведро, чтобы их напоить. Пряничный дом он разглядывал, будто ядовитое растение. Зато Клара, словно не веря собственным глазам, провела по сахарной глазури рукой.

Хруп да хрум все под окном,
Это кто грызет мой дом?

Какую версию этой сказки читали Кларе в детстве?

Тогда она Гензеля в руки свои корявые – хватать и в закуток снесла и дверцу решетчатую снаружи щелк – и закрыла: пусть кричит там, сколько душе угодно, – все равно никто не услышит.

– Следи, чтобы она ничего здесь не ела, – приказал Джекоб Лисе.

И пошел искать ягоды.

За домом крапива вымахала в человеческий рост, словно вознамерилась охранять ведьмин сад получше всякого часового. Джекоб обжег все руки, но стойко пробивал себе путь через жалящие заросли, покуда между болиголовом и красавкой не нашел то, что искал: невзрачный кустик с перистыми листьями. Он набрал уже целую горсть черных ягод, когда услышал за спиной шаги.

Среди заросших бурьяном грядок стояла Клара.

– Аконит. Майник. Болиголов. – Она смотрела на него в растерянности. – Это же все ядовитые растения.

Похоже, эта медичка в своих университетах и кое-что полезное вызубрила. Уилл уже раз десять ему рассказывал, как они встретились с ней в больнице. В палате, где лежала мама. *Когда тебя не было, Джекоб.*

Он выпрямился. Из леса опять донеслось чиканье.

– Иногда и яд лечит, – сказал он. – Этого, я думаю, тебе объяснять не надо. Хотя про эти вот ягоды наверняка ни в каких учебниках не написано.

Он ссыпал черные ягоды ей в ладони:

– Пусть Уилл съест ровно дюжину. До рассвета должны подействовать. Уговори его лечь спать в доме. Он уже несколько дней считай что глаз не сомкнул.

Гоилы вообще почти не спят. Еще одно из многих их преимуществ перед людьми.

Клара смотрела на ягоды. На губах у нее застыла тысяча вопросов, но она ни одного не задала. Интересно, что Уилл ей о нем рассказывал? «Да, у меня есть брат. Но он уже давно для меня почти чужой...»?

Она обернулась, замерла. Теперь и она услышала чиканье.

– Это что? – спросила она.

– Здесь его называют Портнягой. За забор ему ходу нет, но пока он вокруг бродит, нам тоже отсюда не выбраться. Попробую его отогнать. – Джекоб достал из кармана ключ, тот самый, из сундука в трактире Хануты. – Ограда вас отсюда не выпустит, но этот вот ключик отпирает любую дверь. Когда выйду, переброшу его вам обратно через ворота, на тот случай, если не вернусь. Лиса отведет вас в замок. Только до рассвета ворота не отворяй.

Уилл все еще стоял у колодца. Увидев Клару, пошел ей навстречу, пошатываясь от усталости.

– Не клади его в комнате, где печка, – шепнул Джекоб девушке. – Там нехорошие сны снятся. И следи, чтобы он не вздумал за мной увязаться.

Уилл проглотил ягоды, не раздумывая. Чудодейственное снадобье. Он и ребенком готов был с ходу верить в любые чудеса, не то что Джекоб. Было видно, что он едва держится на ногах. Без единого слова он позволил Кларе отвести себя в пряничный дом. Где-то далеко за лесом заходило солнце, и уже проступила над верхушками деревьев кровавым отпечатком пальца красная луна. Когда солнце снова выйдет ей на смену, камень в теле брата исчезнет без следа, как кошмарный сон. Если, конечно, ягоды подействуют.

Если.

Джекоб подошел к забору, пристально глядя в лесную чащу.

Чик-чик.

Их преследователь все еще тут.

Лиса не спускала с Джекоба тревожного взгляда, когда он подошел к лошади и достал из седельной сумки нож Хануты. Того, кто там, в лесу, их дожидается, никакая пуля не берет. По слухам, у Портняги, наоборот, от каждой новой пули только сил прибавляется.

Длинные закатные тени заполнили весь лес, и где-то вдали, между стволами, Джекобу мерещилась еще одна грозная тень, чуть темнее остальных. По крайней мере, он не заставит тебя ждать до утра, Джекоб. Он сунул нож за пояс и достал из рюкзака карманный фонарик. Однако, едва он двинулся к воротам, Лиса бросилась за ним:

– Сейчас нельзя. Уже темнеет.

– Ну и что?

– Может, он к утру уйдет.

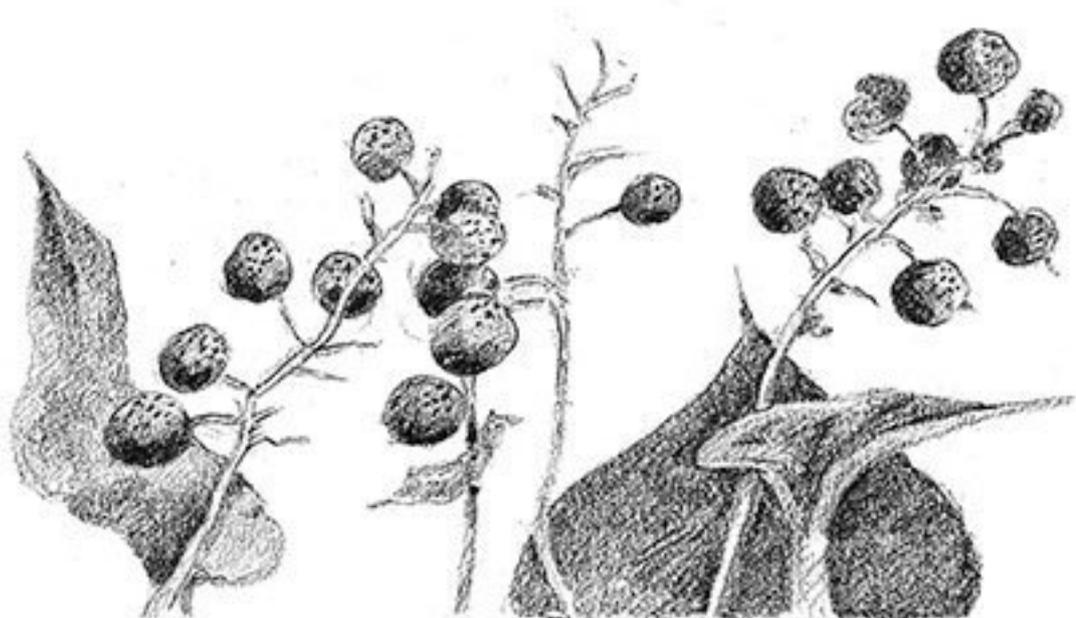
– С чего вдруг?

Кованые ворота послушно распахнулись, едва Джекоб вставил ключ в заржавелый замок.

Сколько детских рученок тщетно трясли эти решетчатые створки.

– Останешься здесь, Лиса, – приказал он.

Но она только молча выскользнула вслед за ним, и Джекоб закрыл за собой ворота.

8. Клара

Первая комната оказалась каморкой с печкой, и, едва Уилл туда заглянул, Клара решительно потянула его дальше. В тесных сенях пахло пирожными и сладким миндалем, а в следующей комнате на спинке потертого кресла висела шаль с вышитыми черными птицами. Кровать стояла в последней комнате. Для двоих она, пожалуй, была маловата, и одеяла сплошь изъедены молью, но не успел Джекоб во дворе распахнуть ворота, а Уилл уже спал как убитый.

Камень расплзся у него по шее пятнами, как тени в лесу. Клара осторожно провела пальцами по матовой зелени. Такая прохладная и гладкая на ощупь. Очень красивая, но и жуткая, все вместе.

А что, если ягоды не помогут? Его брат знает ответ на этот вопрос, но, похоже, ответ страшный, хоть Джекоб и скрывает это.

Джекоб. Уилл, конечно, рассказывал про него Кларе, но показывал только фотокарточку, на которой они оба еще совсем дети. Правда, взгляд у Джекоба уже тогда был совсем другой. Никакой мягкости и нежности, не то что у Уилла. А уж кротости и подавно.

Клара выскользнула из рук спящего Уилла и заботливо укрыла его ведьминым одеялом. На плече у Уилла сидела моль, черная, как мрак ночи. Когда Клара наклонилась его поцеловать, моль упорхнула. Уилл спал очень крепко, и Клара, оставив его в каморке, вышла во двор.

Облепленный пирожными дом, красная луна в небе, сонмы блуждающих огоньков над колодцем – все это до такой степени нереально, что казалось, она бродит в собственных снах, как сомнамбула. Все привычное и знакомое куда-то сгнуло. Все, о чем помнила, исчезло без следа. Остался только Уилл, он единственный был знакомым и близким, но и у него сквозь кожу прорастает что-то чужое и страшное.

Лисицы во дворе не было. Ну конечно. Ушла с Джекобом. Ключ, как и обещано, нашелся прямо под воротами. Клара подняла его, ошупала пальцами гладкий металл. От блуждающих огней в воздухе стоял неумолчный гул, как на пасеке. Сонно каркнул с дерева ворон. Но сквозь жужжание Клара расслышала и кое-что другое: пронзительное чик-чик, из-за которого лицо Джекоба омрачалось тревогой, из-за которого он сейчас снова ушел в лес. Кто же это подкарауливает там, за забором, такой ужасный, что от него даже в доме ведьмы прятаться не страшно?

Чик-чик. Вот опять. Как лязг металлических зубов. Клара отпрянула от забора. Длинные тени протянули к дому свои ручищи, и она снова ощутила тот же страх, что и в детстве, когда оставалась дома одна и на лестнице раздавались чьи-то шаги.

Надо было рассказать Уиллу, что у его брата на уме. Если Джекоб не вернется, Уилл ей никогда этого не простит. Он вернется.

Должен вернуться.

Без него им отсюда в жизни не выбраться.

9. Портняга

Идет он за ними или нет? Джекоб замедлил шаг, чтобы охотник, чьей добычей они сейчас прикидывались, ненароком не отстал. И все равно, кроме собственных шагов, треска трухлявых веток да шороха листвы под ногами, ничего не услышал. Да куда же он подевался? Джекоб уже начал побаиваться, не поборол ли, чего доброго, их преследователь страх перед ведьминым заклятием и не крадется ли именно сейчас, обойдя их с тыла, к заколдованным воротам, как вдруг где-то по левую руку снова послышалось знакомое чиканье. Выходит, люди не врут: прежде чем приступить к своему кровавому ремеслу, Портняга любит поиграть со своими жертвами, как кошка с мышкой.

Никто толком не мог сказать, кто он такой и как выглядит. Жутким историям про Портнягу, наверно, столько же веков, сколько самому Черному лесу. Одно только всякий знал в точности: Портнягой его прозвали потому, что одежды он себе шьет из человеческой кожи.

Чик-чик, звяк-звяк. Между деревьями открылась опушка, стая ворон снялась с черной кроны дуба, и взгляд Лисы предупредил его: «Берегись!» Чиканье раздалось вдруг совсем рядом, настолько громко, что заглушило даже вороний гай, и в ту же секунду луч фонарика выхватил из темноты застывшую под дубом фигуру.

Упершийся в него длинный палец света Портняге не понравился. Злобно рыча, он отмахивался от луча, как от назойливой мухи. Но Джекоб фонарь не отводил, высветил бородатое, заросшее коростой лицо, потом жуткую одежду, пошитую на первый взгляд всего-навсего из грубо выделанных звериных шкур, и огромные ручищи – ими-то Портняга и лязгал в предвкушении кровавой потехи. Пальцы на левой руке заканчивались широкими клинками, каждый длиной с кинжал. Пальцы правой, не менее убийственной, увенчивались гигантскими швейными иглами. На каждой руке по пальцу недоставало: судя по всему, кто-то из жертв дорого продал свою жизнь. Однако самого Портнягу эти увечья, похоже, ничуть не затрудняли. Смертельно позвякивающие клинки и иглы так и сверкали в воздухе, словно загодя снимая мерку и расчерчивая в темноте раскрой того наряда, который он, Портняга, пошьет себе из кожи Джекоба.

Лиса ощерилась, попятилась, с рычанием прижалась к его ноге. Джекоб отпихнул ее, левой рукой выхватил саблю, а правой – нож Хануты.

Его противник был неповоротлив, как медведь, зато ручищи его кололи и рубили воздух, мелькая над зарослями чертополоха с устрашающей быстротой. Пустые, как у мертвеца, глаза

не выражали ничего, но на бородатой роже застыла живодерская ухмылка матерого убийцы; он плотоядно облизывался, скаля желтые зубы, словно не прочь был попробовать шкуру Джекоба и на вкус тоже.

Сперва он попытался достать его клинками. Но Джекоб парировал атаку саблей, одновременно успев полоснуть противника ножом по игольчатой руке. Ему случалось сражаться и против полудюжины пьяных солдат, и против стражи заколдованного замка, и с шайкой разбойников, и со стаей натасканных на человека волков, но так тяжело ему еще в жизни не приходилось. Портняга наседали на него неумолимо, рубил и колот без усталости, вращая руками, как молотилка.

Правда, роста противник был отнюдь не богатырского, да и в ловкости Джекоб явно его превосходил. Тем не менее уже вскоре он почувствовал первые порезы у себя на руках и плечах. Ну давай, давай, Джекоб. Погляди на его одежды! Или тебе охота кончить таким же ошметком? Он отсек Портняге один из игольчатых пальцев, успел перевести дух, пока тот истошно взвыл, и лишь в последнюю секунду защитился саблей, прежде чем четверня клинков располосует ему лицо. Однако с другой стороны его, как кошка лапой, уже царапнули по щеке две иглы, а третья, едва он прикрылся рукой, впиалась ему в локоть. Джекоб нырнул за стволы, подставляя под клинки и иглы вместо своей шкуры кору деревьев, но Портняга всякий раз выдергивал свои жуткие когти и шел вперед как ни в чем не бывало. Он просто не ведал усталости, в то время как у Джекоба стали тяжелеть руки. Когда одно из лезвий вонзилось в кору в дюйме от его плеча, он отрубил противнику еще один палец. Портняга взвыл волком, но только еще свирепей замахал своими граблями-ручищами, причем ни капли крови из его раны не пролилось.

Этак ты кончишь отрезом на штаны, Джекоб! У него сбилось дыхание. Сердце ухало в груди. Он споткнулся о корень, и, прежде чем успел выпрямиться, Портняга иглой проткнул ему плечо. От боли у Джекоба потемнело в глазах, и он рухнул на колени, но тут на Портнягу бросилась Лиса и зубами вцепилась ему в ногу. Она не однажды помогала Джекобу спасти свою шкуру, хотя никогда еще не делала это в столь дословном смысле. Пытаясь стряхнуть с себя зверя, Портняга напрочь забыл о Джекобе, а когда замахнулся, чтобы вонзить в пушистый мех Лисы свои клинки, Джекоб одним ударом ножа отсек ему руку по самый локоть.

Истошный, дикий вопль огласил тьму ночного леса. Портняга, не веря себе, смотрел то на культю, то на собственную руку, беспомощно шевелящую во мху всеми своими лезвиями. Потом, задыхаясь от ярости, повернулся к Джекобу и ринулся в атаку. Три стальные иглы, как три смерти, метнулись в его сторону, Джекоб прямо нутром почувствовал, как холодные спицы вонзаются ему в кишки, но, прежде чем это успело случиться, он всадил нож Портняге в грудь по самую рукоятку.

Тот хрюкнул, пошатнулся, дернул на себе загвазданную рубаху...

Джекоб, хватая ртом воздух, прислонился к ближайшему стволу, глядя, как Портняга извивается во мху в неистовых корчах. Наконец раздался последний хрип, и все стихло. Однако, хотя закатившиеся бельма Портняги мертво тарасились с его чумазой образины в пустоту неба, Джекоб продолжал сжимать рукоять ножа. Он не знал в точности, берет ли вообще Портнягу смерть.

Лиса вся дрожала, словно загнанная сворой собак. Джекоб рухнул подле нее на колени, не спуская глаз с неподвижного тела. Он не помнил, сколько времени так прошло. Казалось, у него горит и саднеет вся кожа, будто его изваляли в битом стекле. Плечо ломило от боли, а перед глазами, не в силах остановить свой смертельный перепляс, все еще сверкали иглы и клинки.

– Джекоб! – Голос Лисы, казалось, донесся откуда-то из несусветной дали. – Вставай! Возле дома нам будет спокойнее.

Он с трудом поднялся на ноги.

Портняга все еще лежал без движения.

Обратный путь показался невероятно длинным, но когда наконец между деревьями мелькнул ведьмин дом, Джекоб сразу увидел Клара, застывшую у ворот в безмолвном ожидании.

– О господи, – только и сказала она, завидя кровь у него на рубашке.

Она принесла воды из колодца и тщательно обмыла все порезы и раны. Но едва ее пальцы коснулись плеча, Джекоб дернулся от боли.

– Рана очень глубокая, – посетовала Клара Лисе, когда та озабоченно присела с ней рядом. – И хотелось бы мне, чтобы она кровоточила сильнее.

– У меня там в сумке у седла бинты и йод. – Джекоб был рад, что вид ран несколько ее не пугает. – Как там Уилл? Спит?

– Да.

И камень все еще на нем. Ей не понадобилось произносить это вслух.

Джекоб видел: ей очень хочется знать, что там, в лесу, произошло, но у него не было сил вспоминать.

Она принесла йод, обработала рану, но все равно осталась недовольна.

– Покажи-ка, Лиса, в чем ты валяешься, когда поранишься? – попросила она.

Лисица отвела ее в огород, показала травы. Набрав пучок, Клара растерла траву в ладонях, покуда от нее не пошел горько-пряный дух, и приложила к ране.

– Да ты, как я погляжу, ведьмой уродилась, – пошутил Джекоб. – А Уилл-то мне плел, что вы в больнице встретились.

Она улыбнулась. И сразу показалась почти девочкой.

– В нашем мире ведьмы как раз в больницах и подрабатывают. Или ты забыл?

Но тут, набрасывая ему рубашку на перебинтованное плечо, Клара заметила шрамы у него на спине.

– А это еще откуда? – опешила она. – Это же какие были ранения!

Лиса со значением – мол, что я говорила? – на него глянула, но Джекоб, застегивая рубашку, только плечами передернул:

– Дело прошлое.

Клара посмотрела на него внимательно.

– Спасибо тебе, – проговорила она. – Что бы ты там, в лесу, ни совершил, спасибо. Я так рада, что ты вернулся.

10. Шкура и кожа

Джекоб слишком много всего знал про пряничные дома, чтобы спокойно спать под сахарной крышей. Он вытащил из седельной сумки оловянную миску, уселся с ней у колодца и принялся тереть миску рукавом, пока та не выдала ему хлеба и сыра. Конечно, это не трапеза из пяти блюд, какой потчует скатерть-самобранка, раздобытая им для императрицы, зато миска легкая, куда хочешь клади – хоть в котомку, хоть в рюкзак.

Красная луна подсветила ночную тьму поволокой ржавчины, до первых утренних сумерек оставались еще часы, но Джекоб не решался пойти взглянуть, сошел камень с кожи брата или нет. Лиса присела с ним рядом и принялась вылизывать свою шубку. Портняга успел пнуть ее ногой да и порезать слегка, но это пустяки. Людская кожа куда чувствительней, чем шкура зверя. Или кожа гоилов.

– Тебе тоже надо бы поспать, – заметила она.

– Я не засну.

Боль в плече не утихала, и казалось, в окружающей тьме злые чары ведьмы спорят с колдовством Темной Феи.

– Если ягоды помогут, что будешь делать? Отправишь обоих назад?

За нарочито безразличным тоном он ясно расслышал еще один вопрос, невысказанный. Он может сколько угодно уверять Лису, что ему этот мир больше по душе. И все равно она не перестанет бояться, что однажды он взойдет на башню – и не вернется.

– Ну конечно, – ответил он. – И будут они жить долго и счастливо до конца дней своих.

– А мы? – Лиса прильнула к нему, заметив, как он зябко поежился от ночной прохлады. – Скоро зима. Можно отправиться на юг, в Гренаду или в Ломбардию, поискать волшебные часы там.

Волшебные часы. Они останавливают время. Пару недель назад он ни о чем другом и думать не мог. Говорящее зеркальце. Хрустальный башмачок. Самопрялка, прядущая золотую нить из воздуха... В этом мире всегда найдется что разыскивать. И можно почти забыть, что самое заветное, самое желанное, единственное, что ему по-настоящему нужно, он всю жизнь ищет понапрасну.

Джекоб взял из миски ломоть хлеба и протянул Лисе.

– Ты когда в последний раз превращалась? – спросил он, заметив, с какой жадностью она схватила угощение.

Она попыталась вырваться, но он ее удержал:

– Лиса!

Она сопротивлялась, даже тяпнула его за руку, но в конце концов ее тень, хорошо различимая в лунном свете, вдруг вытянулась, и в тот же миг Джекоба отпихнули неожиданно сильные девичьи руки.

Лиса. Ее волосы, такие же рыжие, как ее мех, в котором она чувствует себя куда лучше, чем в человеческой коже, ниспадали до пояса столь густой и пышной волной, что казалось, на ней все еще ее лисья шуба. И платье, льнувшее к ее белой веснушчатой коже, было соткано из мягкого рыжего атласа и даже лоснилось, словно лисий мех.

Гляди-ка, за последнее время она стала почти взрослой, почти так же незаметно, как превращается в лисицу лисенок. Но Джекоб все еще видел в ней ту десятилетнюю девчушку, комочек горя и слез, какой он нашел ее у подножия башни, когда вернулся из своего родного мира позже, чем обещал. Почти год Лиса следовала за ним неотступной тенью, прежде чем решилась показаться ему в человеческом облике, и он не уставал напоминать ей: она может этот облик навсегда утратить, если вовсе не будет из лисьей шкуры вылезать. Хотя и знал: если придется выбирать, она, конечно, выберет шкуру. В семь лет она спасла раненую лисицу от дубинок двоих своих старших братьев, а наутро нашла у себя на кровати рыжее платье удивительной красоты. Оно-то и подарило ей лисье обличье. Она давно считала лисицу своим истинным «я» и больше всего на свете боялась, как бы кто у нее это платье, а вместе с ним и лисью жизнь, однажды не украл.

Прислонясь к колодцу, Джекоб закрыл глаза. *Все будет хорошо, Джекоб.* Только вот ночь никак не кончается. Легкая девичья головка прильнула к его плечу, и, едва почувствовав прикосновение этого существа, не желающего жить в человеческой коже, за которую из последних сил борется сейчас его брат, он наконец уснул. Но спал беспокойно, и даже сны видел какие-то каменные. Ханута, газетный мальчишка с рынка, его мать, отец – все они застыли, как кладбищенские статуи, вокруг убитого Портняги.

– Джекоб! Просыпайся!

Лиса уже снова была в шкуре. Сквозь тяжелые лапы елей сочилась белесая утренняя дымка. Плечо ломало так, что он с трудом заставил себя подняться. *Все будет хорошо, Джекоб. Ханута знает этот мир, как никто другой. Помнишь, как он спас тебя от ведьминового заклятия? Ведь ты был уже наполовину мертвец. А укусы острозуба? А его снадобье против яда водяного...*

Он двинулся к пряничному дому, и сердце его с каждым шагом колотилось все сильнее.

В сенях от приторного запаха сладостей у него перехватило дыхание. Из-за этого духа, наверно, они так крепко и заснули. Рука Клары покоилась у Уилла на груди, а лицо брата было исполнено такого отдохновенного блаженства, словно он почивает в царских чертогах, а не в кровати ведьмы-деткоежки. Но на его левой щеке зеленоватым родимым пятном проступил камень, а ногти левой руки почернели и уже почти походили на когти, те самые, что совсем недавно вонзили каменную заразу ему под кожу.

Как же громко может стучать сердце. Этак и задохнуться недолго.

Все будет хорошо.

Джекоб, как пригвожденный, все еще стоял на пороге, когда брат пошевелинулся. По глазам Джекоба он сразу все понял. Схватился за шею, провел пальцами вверх до самой щеки.

Думай, Джекоб! Но разве можно думать при виде такого страха на родимом лице?

Они не стали будить Клару, и Уилл, пошатываясь, как лунатик, неспособный очнуться от своего кошмара, побрел вслед за ним во двор. Лиса испуганно от него отпрянула, и взгляд ее, брошенный Джекобу, был красноречивей всяких слов.

Кончено.

И Уилл всем своим видом вполне подтверждал ее приговор. Конченный человек. Он снова провел рукой по изуродованному лицу, и Джекоб впервые прочел у него в глазах не безграничное доверие – братец вообще верил всем и каждому, – а те же упреки, которыми Джекоб осыпал себя сейчас и без его помощи. Если б ты лучше за ним присматривал, Джекоб... Если бы вы не поскакали так далеко на восток... Если бы да кабы... Казалось, все, от чего он мечтал избавиться, все, что хотел оставить по ту сторону зеркала, сейчас снова на него навалилось.

Уилл подошел к окну печной комнаты и уставился на свое отражение в подслеповатом черном стекле. Печь угадывалась в темной глубине за окном.

Джекоб между тем не сводил глаз с черных кружев закопченной паутины под сахарной крышей. Они напомнили ему совсем другие сети, такие же темные, расставленные на поимку ночи... Какой же он болван! Далась ему эта ведьма! Ведь заклятие-то чье? Феи. Феи!

В глазах Лисы мелькнуло беспокойство.

– Нет! – твякнула она.

Иногда она угадывает его мысли прежде, чем он сам успеет их осознать.

– Она наверняка ему поможет! В конце концов, она же ее сестра.

– Нельзя тебе к ней возвращаться! Ни за что!

Уилл обернулся:

– Возвращаться к кому?

Джекоб не ответил. Только нащупал медальон у себя под рубашкой. Пальцы его все еще помнят, как укладывали в этот медальон лепесток цветка. Точно так же, как его сердце помнит ту, от которой лепесток его защитил.

– Иди разбуди Клару, – сказал он Уиллу. – Мы сейчас же выходим. Все будет хорошо.

Путь предстоял не близкий, дня четыре, если не дольше, а времени в обрез, иначе камень их опередит.

Лиса все еще не спускала с него глаз.

Нет, Джекоб, нет! – молил ее взгляд.

Конечно, она помнит все не хуже его, а то и лучше.

Страх. Гнев. Потерянное время. «Это же какие были ранения!»

Но если жизнь брата ему дорога, иного пути нет.

11. Хентцау

У человекогила, которого люди Хентцау взяли на заброшенной почтовой станции, на коже прорастал малахит. Мшистая темная зелень заволокла уже пол-лица. Хентцау приказал его отпустить, как и всех прочих, кого они изловили, напутствовав беднягу советом поискать пристанища в ближайшем гоильском лагере, покуда его не укукошили свои же соплеменники. Глаза несчастного пока не отсвечивали золотом, в них еще брезжило смутное воспоминание о временах, когда кожа его была не из камня. Он улепетывал со всех ног, будто на свете и вправду есть место, куда ему можно вернуться, и Хентцау всего передернуло при мысли, что фея, чего доброго, способна и в его яшмовую кожу вживить человеческую плоть.

Малахит, кровавик, яшма, даже королевский камень карнеол – каких только мастей он и его солдаты за это время не перевидели, но, разумеется, той, что им велено было найти, нигде не было.

Нефрит.

Старухи на счастье носят этот камень на шее и тайком поклоняются вырезанным из нефрита крохотным божкам. Матери вшивают его в одежду сыновьям – оберег из нефрита не только хранит своего обладателя, но и делает его бесстрашным. Однако гоил с кожей из нефрита – такого отродясь на свете не было.

Интересно, долго еще Темная Фея будет заставлять их искать его? Долго еще будет делать из него посмешище в глазах солдат, короля, себя самой? А что, если она этот свой сон только для того и выдумала, чтобы удалить его от короля? А он, дурак, и удалился, послушный и верный, как пес.

Хентцау глядел на безлюдную дорогу, теряющуюся в сумрачной тени деревьев. Его солдаты нервничали. Гоилы, как и люди, стараются обходить Черный лес стороной. И фее прекрасно это известно. Для нее все это игра. Именно так. Игра, и ничего больше, и ему до смерти не хочется исполнять в этой игре роль верной псины.

Моль села ему на грудь, как раз когда он собирался скомандовать «По коням!». Уселась точнехонько там, где под серым мундиром билось его сердце, и в ту же секунду Хентцау увидел человекогила, узрел будто наяву, столь же ясно, как видела его во сне фея.

Нефрит просвечивал сквозь его человечью кожу, как обещание.

Быть такого не может.

Но тогда из Недр вышел Король, и в страшную годину явился гоил из нефрита, рожденный из серебра и стекла, и сделал Короля непобедимым.

Бабушкины сказки. Он сам ребенком обожал их слушать, потому что они сообщали миру смысл и веру в хороший конец. Миру, который прогнал весь, сверху донизу, ибо в нем правили боги с мягкой плотью. Но с тех пор как Хентцау испытал эту плоть своим клинком, он воочию уверился: никакие они не боги. А еще он уверился, что никакого смысла в мире нет, а хорошего конца не бывает и подавно.

И тут вдруг это. Хентцау видел его, как наяву, казалось, руку протяни – и он погладит матово-зеленый камень, уже проросший у гоила на щеке.

Нефритовый гоил. Рожденный закланием феи.

Неужто в этом и был ее замысел? Неужто она заседала мир каменной плотью, заранее зная, что пожнет его?

Тебе-то какое дело, Хентцау? Найди его!

Моль снова раскрыла крылышки, и он ясно увидел поля, где сражался всего пару месяцев назад. Поля, окаймляющие Черный лес с востока. Он не там ищет!

Хентцау крикнул, мысленно чертыхнулся и прихлопнул моль одним ударом.

Когда он отдал приказ двигаться обратно на восток, солдаты глянули на него с изумлением. Но и обрадовались, что он не ведет их дальше вглубь леса. Хентцау смахнул с мундира расплюснутые крылышки и вскочил в седло. Никто из них моль не видел, и в случае чего любой подтвердит: он отыскал нефритового гоила сам, без всякой потусторонней помощи. Так же, как он, Хентцау, всем и каждому повторяет: войну выиграл Кмен, а вовсе не заклание его бессмертной возлюбленной.

Нефрит.

Ее сон оказался явью.

Если это она сама не превратила сон в явь...

12. Ему подобные

Было уже за полдень, когда они наконец выбрались из Черного леса. Сизые тучи клубились над лугами и полями – лоскутным одеялом из желтых, зеленых, коричневых заплат, простертым до самого горизонта. Кусты бузины никли от тяжести черных кистей, а над головками полевых цветов, что росли по обочинам, порхали эльфы, лениво шевеля тяжелыми от дождя крылышками. Но хутора, попадавшиеся им по дороге, были безлюдны, а в несжатой пшенице тут и там ржавели брошенные пушки.

Джекоб благодарил судьбу за это запустение. Вид Уилла уже не оставлял сомнений, что именно с ним происходит. С тех пор как они вышли из леса, дождь шел непрерывно, и зеленый камень поблескивал у него на лице, как пятнистая глазурь, вышедшая из-под рук нерадивого горшечника.

Дождь лил все сильнее, вскоре даже Лису уже не спасала ее шкура, и плечо у Джекоба разболелось так, словно Портняга снова и снова вонзал в него свои иглы, но стоило глянуть на лицо брата – и он отбрасывал всякую мысль о привале. Время уходит.

Вероятно, именно боль и притупила его бдительность. Он толком не разглядел, почти не заметил это заброшенное подворье на краю дороги, а Лиса учуяла опасность, когда было уже поздно. Восемь оборванцев, и все при оружии, они выскочили откуда-то из полуразрушенной пристройки и наставили на них винтовки, прежде чем Джекоб успел схватиться за пистолет. Двое в мундирах императорской армии, еще на одном серый гоильский китель. Дезертиры. Да нет, уже мародеры. Отребье войны. У двоих на ремне трофеи, которыми теперь и солдаты императорской армии не прочь щегольнуть: отрубленные пальцы врагов, всех каменнокожих мастей, какие попались.

В первый миг Джекоб и впрямь понадеялся, что они ничего не заметят, ведь Уилл укрылся от дождя капюшоном, лица не было видно вовсе. Однако один из бандитов, отошавший и злой, как хорь, стаскивая Уилла с лошади, приметил его левую руку и тотчас сдернул капюшон с головы.

Клара кинулась было на помощь, но тот, что в гоильском кителе, грубо ее оттащил, и тут вдруг лицо Уилла изменилось до неузнаваемости. Джекоб в жизни не видел в глазах брата такой неприкрытой ярости и жажды кого-то изувечить. Уилл рванулся, пытаясь освободиться, хорь ударил его в лицо, а когда Джекоб потянулся за пистолетом, вожак без затей упер ему в грудь ствол винтовки.

Это был кряжистый детина, уже без двух пальцев на левой руке, в ободранной куртке, увешанной, однако, самоцветами, – на воротниках гоильских офицеров такие камни служат знаками различия. На полях сражений подобных трофеев теперь полно, тем более что противник не хоронит своих убитых.

– Почему ты его не пристрелил? – спросил детина, обшаривая Джекобу карманы. – Или ты еще не слышал? С тех пор как переговоры начались, за таких вознаграждение уже не полагается.

Он вытащил носовой платок Джекоба, но, по счастью, пренебрежительно сунул его обратно, прежде чем тот успел обронить золотой талер в его загнувшую лапу. Краем глаза Джекоб заметил, как Лиса прошмыгнула во дворе в сарай, и почувствовал на себе взгляд Клары, моливший о помощи. Да что она в самом деле? Неужто и вправду верит, что он один способен сладить с восемью громилами?

Трехпалый вытряс на ладонь содержимое его кошелька и разочарованно скривился, ничего, кроме пары жалких медяков, не обнаружив. Но остальные продолжали глазеть на Уилла. Сейчас они его прикончат. Просто так, потехи ради. И повесят пальцы брата себе на ремни.

Сделай же что-нибудь, Джекоб! Да что же, что? Скажи что-нибудь! Тяни время! Жди чуда!

– Хочу отвести его кое к кому, кто вернет ему кожу.

Дождь хлестал ему в лицо. Подошедший хорь уткнул ствол винтовки ему под ребра.

Говори, Джекоб, не молчи!

– Отпустите нас, и через неделю я вернусь с мешком золота.

– Ну конечно. – Трехпалый кивнул остальным. – Отведите их за сарай, а этого пристрелите. Мне одежка его приглянулась.

Джекоб отпихнул тех двоих, что его держали, но третий приставил ему к горлу нож. Одет как простой крестьянин. Некоторые все-таки не всю жизнь были разбойниками.

– Что ты плетешь? – зашипел он в ухо Джекобу. – Какая кожа? Такому уже ничем не поможешь. Я сынка родного пристрелил, когда у него на лбу вот этак камень выполз!

Джекоб едва дышал, до того сильно впивалось острие клинка ему в шею.

– Это заклятие Темной Феи, – прохрипел он. – Отведу его к ее сестре. Она снимет порчу.

Как же они все на него уставились. Фея. Одно только слово. Три буквы, но в них все колдовство и весь ужас, какой есть на свете.

Давление клинка чуть ослабло, но лицо мужчины все еще искажала гримаса ярости, бессилия, боли... Джекоб подавил искушение спросить, сколько лет было его сыну.

– К феям по своей воле не попадешь. – Мальчишке, боязливо пробормотавшему эти слова, было от силы лет пятнадцать. – Они сами забирают.

– Ничего, я дорожку знаю. Бывал уже у них.

– Вот как? Тогда почему же ты не мертвяк? – Нож слегка порезал ему кожу. – И не сумасшедший, кто сам в первом же пруду топиться бежит?

Джекоб чувствовал на себе взгляд Уилла. Что он сейчас думает? Что это все сказки, как прежде, когда они были детьми и Уилл не мог заснуть?

– Она ему поможет, – повторил Джекоб хрипло, стараясь уклониться от ножа.

Но прежде вы нас убьете. Хотя сына ты этим не вернешь.

Хорь приставил винтовку Уиллу прямо к изуродованной щеке.

– К феям? Да он просто дурачит тебя, Станис, ты что, еще не понял? Пристрелим их поскорей, и дело с концом.

Он пихнул Уилла в сторону сарая, еще двое схватили Клару. *Давай, Джекоб. Терять уже нечего.* Но трехпалый вдруг дернулся, обернулся, тревожно вглядываясь куда-то поверх забора. Сквозь шелест дождя оттуда донеслось конское фырканье.

Всадники.

Они скакали по несжатой пшенице, на таких же серых, как их мундиры, лошадях, и по лицу Уилла он сразу догадался, кто они такие, еще прежде, чем хорь в панике гаркнул остальным:

– Гоилы!

Крестьянин направил винтовку на Уилла, как будто именно он – а кто же еще? – накликал на них эту нечисть, но Джекоб пристрелил его, прежде чем тот успел спустить курок. Трое из гоилов на полном скаку уже обнажили сабли. Они все еще предпочитают сражаться клинком, хотя битвы выигрывают все-таки с помощью винтовок. Клара с ужасом смотрела на их каменные лица, потом глянула на Джекоба.

Да-да, именно это с ним и будет. Ты его все еще любишь?

Бандиты, позабыв о своих пленниках, ринулись в укрытие, за опрокинутую подводку. Джекоб подтолкнул Уилла и Клару к лошадям.

– Лиса! – позвал он, подбегая к своей кобыле.

Где же она?

Двое гоилов уже рухнули с лошадей, остальные залегли за сараем. Трехпалый оказался неплохим стрелком.

Клара была уже в седле, но Уилл стоял как вкопанный, не сводя с гоилов глаз.

– По коням, Уилл! – заорал Джекоб, одним махом вскакивая на лошадь.

Брат не двигался с места.

Джекоб поскакал было к нему, но на ходу успел заметить Лису, выскользнувшую из сарая. Она хромала, и в тот же миг Джекоб увидел, как хорь в нее целится. Джекоб успел уложить и его, но, когда натянул удила и наклонился, чтобы подхватить Лису, удар винтовочного приклада, пришедшийся в раненое плечо, едва не выбил его из седла. Мальчишка. Ухватив разряженную винтовку за ствол, он уже размахнулся снова, надеясь вторым ударом прикончить не только Джекоба, но и свой собственный страх. От боли у Джекоба потемнело в глазах, он, правда, успел вскинуть пистолет, однако гоилы его опередили. Они уже палили из-за сарая вовсю, и одна из пуль угодила пареньку в спину.

Джекоб поднял Лису на руки. Тем временем и Уилл уже вскочил в седло, но все еще как зачарованный не сводил с гоилов глаз.

– Уилл! – гаркнул Джекоб во все горло. – Скачи же, черт тебя подери!

Брат даже не оглянулся. Казалось, он позабыл и его, и Клару.

– Уилл! – звонко выкрикнула Клара, в полном ужасе от разыгравшегося побоища.

Но лишь когда Джекоб дернул его лошадь за повод, Уилл очнулся.

– Да скачи же ты! – заорал Джекоб снова. – Скачи и не оглядывайся!

Только тогда его брат наконец-то пришпорил лошадь.

13. О пользе дочерей

Побежденная. Тереза Аустрийская стояла у окна и смотрела вниз на дворцовую стражу. Часовые прохаживались у ворот как ни в чем не бывало. Весь город жил своей жизнью как ни в чем не бывало. А между тем она проиграла войну. Впервые. И каждую ночь ей снится, как она барахтается в кровавой жиже, а та застывает багряно-красной коркой, каменной кожей ее врага.

Ее министры и генералы вот уже полчаса объясняют ей, почему именно она проиграла войну. Стоят перед ней в зале приемов, сияя орденами, полученными в свое время от нее, и на нее же пытаются свалить вину за поражение. «У гоилов винтовки лучше. У них поезда быстрее». Хотя на самом деле войну выиграл гоильский король с карнеоловой кожей, потому что разбирается в стратегии лучше их всех, вместе взятых. А еще потому, что у него в полюбовницах фея, которая впервые за последние триста лет предоставила колдовские чары королю в услужение.

Перед воротами остановилась карета, из нее вышли трое гоилов. Скажите, как дипломатично. Даже не в мундирах. С каким наслаждением она бы приказала сейчас страже схватить истуканов и прикончить прямо во дворе, как поступал с ними еще ее дед. Да не те времена. Теперь уже гоилы кого хочешь приканчивают. Потому и сядут сейчас вместе со своими советниками за ее стол, будут прихлебывать чай из ее серебряных чашек и обсуждать условия ее капитуляции. Часовые распахнули ворота, и едва гоилы вступили на дворцовую площадь, императрица отвернулась от окна.

Они все еще что-то талдычат, все эти бесполезные орденосные генералы, а с обитых золотым шелком стен на них взирают ее предки. Вон там, у двери, портрет отца. Сухопарый, прямой, как аист, в вечной войне с родным братом, королем Лотарингии. С сыном того короля, прозванным Горбуном, потом много лет воевала она сама. Рядом дед висит – он тоже, как гоильский король, с феей любовь крутил и в конце концов от сердечной тоски утопился – прямо за дворцом, в пруду с водяными лилиями. Этот вообще приказал запечатлеть себя на единороге, коего изображала его любимая лошадь, с рогом нарвала на лбу. Посмешище, а не портрет, то ли дело следующий, он Терезе куда больше нравится. Это был портрет ее прадеда вместе с его старшим братом, тем самым, кого лишили наследства, потому что он слишком алхимией увлекался. Живописец так мастерски передал его незрячий взгляд, что отец возму-

щался, зато она еще девочкой не раз вставала перед портретом на стул, чтобы получше разглядеть мелкие шрамы вокруг слепых глаз. А ослеп он, по преданию, после одного из опытов, когда хотел превратить собственное сердце в золото, но все равно на портрете он, единственный из всех ее предков, улыбается, благодаря чему она долго еще верила, что опыт удался и у него в груди и вправду забилося золотое сердце.

Мужчины. Сплошь. Кто сумасшедший, кто нет. Одни только мужчины.

Столетия подряд на австрийском троне восседали одни мужлань, а кончилось это лишь потому, что ее отец, наплодив четырех дочерей, так и не сподобился зачать сына.

И у нее вот тоже сына нет. Да и дочь только одна. Однако у Терезы Австрийской и в мыслях не было превращать свою дочь в товар, как поступил папаша с ее младшими сестрами. Одну Горбуну – в Лотарингию, в этот жуткий замок, другую – ее помешанному на охоте кузену с Альбиона, а младшую – и вовсе какому-то восточному царьку, тот вообще двух прежних жен уже похоронить успел.

Нет. Она хотела возвести дочь на трон. Увидеть ее портрет на этих стенах, в золотой раме, среди всех этих мужчин. Амалия Австрийская, дочь Терезы, мечтавшей когда-то, что народ назовет ее Великой. Но сейчас у нее просто нет другого выхода. Иначе в кровавой жиже утонут они обе. Она сама. Ее дочь. Ее народ. Ее трон. И этот город, и вся страна, включая всех этих сановных болванов, которые все еще силятся объяснить ей, почему не сумели выиграть для нее эту войну. Отец – тот велел бы их всех казнить на месте, и дело с концом, но толку что? Другие будут не лучше. Их кровь не вернет ей ни павших солдат, ни потерянных провинций, где уже хозяйничают гоилы, ни ее чести, утопленной в трясине четырех безнадежно проигранных сражений.

– Кончено.

Одно лишь слово, но в тот же миг мертвая тишина воцарилась в зале, где смертные приговоры еще ее прадед подписывал. Власть. Пьянит не хуже доброго вина.

Как сразу втянулись в плечи все эти спесивые головы. Ты только погляди, Тереза. Разве не упоительно было бы все их поотшибать?

Императрица чуть тронула диадему из эльфового стекла, которую носила еще ее прабабка, и мановением руки подозвала одного из карликов. Только ее карлики, последние во всей стране, еще носили бороды. Слуги, стражи, поверенные. Уже много поколений на службе у императорского рода и все в тех же, что и двести лет назад, нарядах. Сюртуки черного бархата, кружевные жабо и смешные широченные штаны. Жутко старомодно, да и безвкусно, но спорить о традициях с карликами столь же бесполезно, как со священником о религии.

– Пиши, – приказала она.

Карлик вскарабкался на бледно-золотое парчовое кресло. Писать ему приходилось, стоя на коленях. Оберон. Ее любимец, самый умный из всех. Ручонка, в которой он держал вечное перо, казалась крохотной, как у мальчика, но она-то знает: этими ручками он разбивает железные цепи не хуже, чем ее повара яйца.

– Мы, ее величество Тереза, императрица Австрийская...

Предки смотрели на нее с осуждением, да только что им ведомо о королях, порожденных земными недрами, и феях, превращающих человеческую кожу в камень, лишь бы уподобить всех людей своему возлюбленному?

– ...желая положить конец войне и заключить мир между нашими великими народами, предлагаем королю гоилов руку нашей дочери Амалии для высочайшего супружеского союза.

И разом лопнула тишина. Ее слова будто раскололи стеклянный дом, где все они сидели в заточении. Но удар-то нанес король гоилов. А она всего-навсего отдаст теперь за него свою дочь.

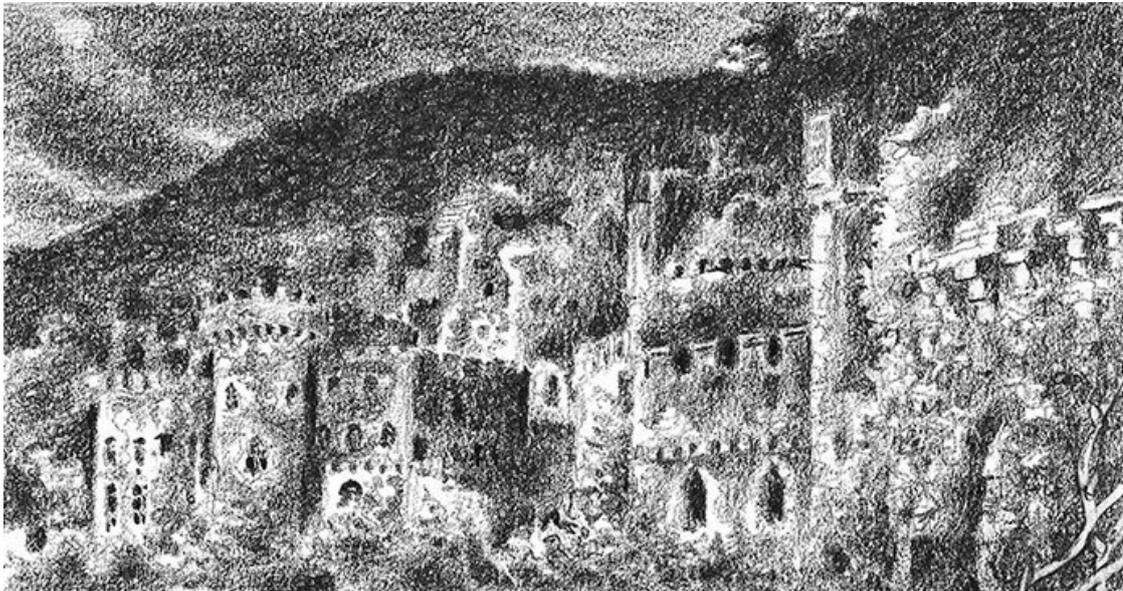
Императрица резко повернулась к ним спиной, и взволнованный гомон разом стих. Направляясь к высоким дверям, она слышала только шорох своего платья. Казалось, высочен-

ные эти двери прорублены не для людей, а для великанов, окончательно истребленных шестьдесят лет назад стараниями ее прадеда.

Власть. Как доброе вино, когда она есть. И как яд, когда ее теряешь. Этот разъедающий яд она, Тереза, уже чувствует.

Проиграла.

14. Сонное царство

- Да он просто не просыпается.
Голос звучал тревожно. И знакомо. Лиса.
– Не беспокойся, он всего лишь спит.
И этот голос он тоже знает. Клара.

Просытайся, Джекоб.

Чьи-то легкие пальцы прикоснулись к его горячему плечу. Он открыл глаза и сразу увидел над собой серебряный месяц, укутавшийся в облако, словно решив спрятаться от своего красного близнеца. Сквозь облако месяц заглядывал в темный двор замка. В стеклах высоких стрельчатых окон мерцали звезды, и ни в одном из них не было света. Не горели фонари над дверями и заросшими надвратными арками. Не шмыгали в пристройках слуги, а брусчатку двора укрыл мягкий ковер прелой листвы, которую, казалось, сто лет не выметали.

- Наконец-то. Я думала, ты уже никогда не проснешься.
Лиса ткнула мокрым носом ему в плечо, и Джекоб застонал.
– Тише ты, Лиска!

Клара помогла ему сесть. Она успела сделать ему перевязку, но плечо болело сильнее прежнего. Мародеры... Бандиты... Вместе с болью вернулась и память, вот только одного он припомнить не мог – когда и как он потерял сознание.

– Не нравится мне твоя рана. – Клара выпрямилась. – Парочка таблеток из нашего мира сейчас бы нам очень не помешала...

– Ничего, само пройдет. – Он почувствовал, как Лиса преданно трется головой о его руку. – Где это мы?

– Другого пристанища я не нашла. Какой-то замок заброшенный. Людей, по крайней мере живых, я тут еще не видела.

Лиса разворошила лапами палую листву. Из-под листьев показался башмак.

Джекоб огляделся. Тут и там пухлое одеяло листвы бугрилось подозрительными горками, видимо скрывая под собой и другие распростертые тела.

Куда же это их занесло?

Пытаясь подняться, он оперся было о стену, но, чертыхнувшись, тут же отдернул руку. Каменная кладка сплошь заросла шиповником. Колючие побеги укутали весь замок пушистой игольчатой шубой.

– Розочки... – пробормотал он, срывая цветок шиповника с туго сплетшихся ветвей. – Я столько лет этот замок искал! Чертоги Спящей красавицы... Императрица выложила бы мне за это целое состояние.

Клара, не веря себе, обвела глазами безлюдный замковый двор. Замок Спящей красавицы. Подумать только...

– По слухам, каждый, кто тут переночует, найдет свою настоящую любовь. Только, похоже, – Джекоб оглядел темные окна, – королевич так сюда и не добрался.

Или так и висит до сих пор на колючках вместе с запутавшимися в живой изгороди пташками.

И тут же прямо среди розовых цветков на глаза ему попала иссохшая человеческая рука. Незаметно, пока Клара не увидела, Джекоб прикрыл ее ветвями.

Где-то под оградой прошуршала мышь, Лиса кинулась было за ней, но, заскулив, беспомощно остановилась.

– Что с тобой? – спросила Клара.

Лиса лизнула себя в бок.

– Да беспальный меня пнул.

– Дай-ка посмотреть. – Клара склонилась над ней, осторожно прощупывая шелковистый мех.

– Сбрось-ка свою шубу, Лиса, – посоветовал Джекоб. – Она людей привыкла лечить, не лисиц.

После минутного колебания Лиса все же послушалась, и Клара в изумлении воззрилась на девушку в диковинном платье, будто сотканном из лучей красной луны.

«Да что же это за мир такой? – безмолвно вопрошало ее лицо, когда она оглянулась на Джекоба. – Если мех превращается в кожу, а кожа в камень, чему тогда вообще верить?» Испуг. Оторопь. И зачарованность. Все это вместе застыло в ее взгляде. Подходя к Лисе, она непроизвольно обхватила себя за плечи, словно боясь и на себе вместо кожи ощутить звериный мех.

– Где Уилл? – спросил Джекоб.

Клара указала на башню возле ворот.

– Он уже больше часа там, наверху. – Помолчав, Клара добавила: – И ни слова не проронил с тех пор, как этих увидел.

Ей не понадобилось объяснять, кого она имеет в виду.

Нигде заросли шиповника не разгулялись с такой необузданной силой, как на круглых стенах башни. Необычные темно-красные цветки казались в ночи почти черными и, как будто не желая замечать наступление осени, наполняли холодный воздух тяжелым, сладким дурманом.

Поднимаясь по узенькой винтовой лестнице, Джекоб смутно догадывался, что он там, наверху, обнаружит. Гибкие колючие ветви цапали его за одежду, да и сапоги то и дело приходилось выдергивать из колючих силков, но в конце концов он очутился в той самой светелке, где почти два века назад фея на день рождения вручила принцессе свой подарок.

Прялка все еще стояла возле узенькой бедной кровати, сколоченной для кого угодно, только не для королевской дочки. Тело девушки, все еще почивавшей тут непробудным сном, было усыпано цветочными лепестками. Заклятие феи не позволило ему состариться, однако кожа пожелтела, словно пергамент, как и белое платье, в которое нарядилась принцесса в тот

злополучный день почти два века назад. Жемчуга на платье по-прежнему мерцали перламутровой белизной, но кружевные оборки побурели, как и усыпавшие царский шелк лепестки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.